

АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ

ХОЛОД ДРЕВНИХ КУРГАНОВ

АНОМАЛЬНЫЕ ЗОНЫ СИБИРИ

Таинственная Россия

Андрей Буровский

**Холод древних курганов.
Аномальные зоны Сибири**

«Алгоритм»

2017

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Буровский А. М.

Холод древних курганов. Аномальные зоны Сибири /
А. М. Буровский — «Алгоритм», 2017 — (Таинственная
Россия)

ISBN 978-5-906995-02-5

Вблизи Чертовой поляны в Красноярском крае бесследно исчезло более 75 человек. Дьявольское кладбище возле реки Кова устлано трупами животных и птиц, от их растерзанных тел земля здесь имеет алый оттенок. Эвенкийские Чертовы ворота – смертельно опасный речной порог вблизи горы высотой 666 метров. Из новой книги знаменитого писателя Андрея Буровского вы узнаете все о самых мрачных и таинственных уголках Сибири.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-906995-02-5

© Буровский А. М., 2017
© Алгоритм, 2017

Содержание

Введение	6
Часть I. Истории из Красноярска	7
Глава 1. Чудесная кукла с востока	7
Глава 2. «Суриковская гимназия»	18
Глава 3. Купцы и клады	28
Глава 4. Мифы крайкома	30
Мохнатый человек	30
Дяденька, подвези...	31
Продолжение господина Н.	32
Продолжение семьи Р.	34
Продолжение милиционера М.	35
Окончание	36
Глава 5. Странные существа из новостроек	38
Глава 6. Смех и топот в ночи	43
Глава 7. Вокруг сектантов	47
Хруст в двигателе	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Андрей Буровский

Холод древних курганов.

Аномальные зоны Сибири

© Буровский А., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Материальный мир вообще место очень таинственное.
Архиепископ Антоний Сурожский

Введение

Все подвергайте сомнению, но помните – как раз самые невероятные истории вполне могут оказаться совершеннейшей правдой.

Ганс Шомбургк

В эту книгу вошли истории о встречах с необычным. Часть их произошла со мной, или я был свидетелем происходящего. Часть приключилась с людьми, которым я доверяю.

Разумеется, рассказанное приходилось отбирать, и отбирать довольно жестко. Наука выработала прекрасный интеллектуальный аппарат, позволяющий отделять истину от выдумки и реально существующее от фантомов человеческого сознания.

В проверке историй на достоверность я применял этот старый добрый метод: не брать сообщения на веру, а искать подтверждений рассказам. Смотрел, насколько можно доверять информатору; отсекал явно нечестных или явно больных людей. Отсекал свидетельства, откровенно ангажированные политически или коммерчески. Сомневался в рассказах, которые не подтверждались хотя бы одним свидетелем.

Но все время я помнил истины, вынесенные в эпиграфы: что истиной могут оказаться самые неожиданные, даже невероятные сведения. Что мир – место очень таинственное; что границ того, что «может» и чего никак «не может» в нем быть, не знает попросту никто.

Очень часто достоверность сообщению придают детали, которые самому информатору кажутся невероятными.

Так в свое время финикийские мореплаватели, отправившись вокруг Африки из Красного моря, через три года приплыли к Гибралтарскому проливу. Они привезли множество невероятных историй, в которые не в силах были поверить современники. Одной из самых нелепых историй было то, что по мере путешествия на юг солнце стояло все выше, пока не оказалось прямо над головами мореплавателей. Потом солнце начало всходить по небосклону все ниже и ниже, а в какой-то момент все повторилось сначала: солнце вставало все выше, вплоть до того, что оно оказалось прямо над головами мореплавателей и потом начало подниматься все меньше и меньше...

Сами финикийцы честно фиксировали все происходящее, но объяснить явление оказались не в силах: они ведь не знали, что Земля шарообразна и что такое ее экватор! Тем более они не знали, что пересекли экватор дважды: когда плыли вдоль восточного побережья Африки на юг и когда «поднимались» на север вдоль ее западного побережья.

Для современников этого плавания, примерно в 610 году до Рождества Христова, эти детали могли казаться враньем или в лучшем случае нагромождением нелепостей. Но мы как раз на основании этих деталей уверенно утверждаем – финикийцы побывали в Южном полушарии, проплыли вокруг Африки.

Я старался приводить все детали, даже казавшиеся мне странными или малопонятными. Может быть, именно эти детали смогут исследовать те, кто будет знать больше нашего.

Происшествия, о которых я рассказываю, случались в разных местах, в разное время. Удобнее всего было сгруппировать их именно по этому принципу – по тому, где именно они происходили.

Итак, вот истории о столкновении с необычным – в Красноярске, в других городах и деревнях Красноярского края, в его лесах, болотах и пещерах. А также в тех местах, где я побывал за свою достаточно бурную жизнь.

Часть I. Истории из Красноярска

Глава 1. Чудесная кукла с востока

– О чем это вы тут?

– Да вот обсуждаем, как нам лучше убить двух стариков...

Е. Богат

Эта история произошла в Красноярске как раз перед самой финансовой катастрофой августа 1998 года. Все герои этой истории живы и здоровы, хотя один из них, «новый русский» Дмитрий Сергеевич, стал значительно беднее, а его дочка – значительно менее здоровой. Но все имена я, конечно же, перемену.

Началась же история с того, что жена Дмитрия Сергеевича сбежала с неким жиголо... В смысле, с молодым человеком, который отплясывал с обеспеченными дамами в дамских клубах, утешал их разными способами – в зависимости от того, насколько бдительным был муж и приставленные им стражи. В обмен на внимание дамы обеспечивали мальчику привычный для него уровень жизни, радовали его разными подарками. Чего только не отдаст женщина за искренний интерес и бескорыстное восхищение!

Елена Алексеевна была дама с собственными средствами, помимо денег мужа, она сумела без особого труда увести жиголо всерьез и надолго для себя одной. Так сказать, взяла его на содержание и увезла то ли на французскую Ривьеру, то ли на Канарские острова... В общем, в одно из мест, где «тусуются» богатые бездельники.

А у Дмитрия Сергеевича осталась от жены ребенок, дочка пяти лет. Жена назвала ее Аурелией, но папа звал девочку Катей... Это было, так сказать, домашнее, неофициальное имя.

Дмитрий Сергеевич женился второй раз, но не могла же его жена сама заниматься ребенком?! Во-первых, это не ее ребенок, и нечего взваливать чужие дела на бедную женщину. Во-вторых, ну не может же жена такого почтенного, такого обеспеченного человека сама заниматься домашним хозяйством?! И воспитанием ребенка заниматься ей совершенно незачем.

Поэтому пока вторая жена, Валентина Николаевна, ходила беременная, ребенком занималась гувернантка Леночка. Друг другу они совершенно не нравились, потому что Леночку вырастили существом активным и с огромной склонностью о ком-то заботиться. А Валентина Николаевна хотела только одного – быть обеспеченной и ничего решительно не делать. Она спала до часу дня, а потом валялась перед телевизором или слонялась по подружкам.

– Так это же идиллия, Леночка! – сказал я ей, когда мы обсуждали эту историю, – Множество баб глотки перегрызут кому угодно: денег сколько угодно, и можно ничего не делать!

– Не дай вам бог, Андрей Михалыч, такой «идиллии»... Ну посудите сами, вот выходит женщина за большого бизнесмена, как сейчас говорят, за «крутого». Для многих это идефикс, сразу куча завистниц, подружки чуть ли не рыдают. Или была она замужем, а муж «закрутел»... или «закрутинел», как лучше сказать, Андрей Михалыч? Вот, закутинел, стал богачом, и начинается...

Говорит: не работай, нечего! Я что, семью не могу содержать?! Я могу... И – я здесь хозяин! Коли прихожу домой – изволь быть туточки...

А зачем, спрашивается, ей здесь быть? Кормить его она не кормит. Муж или приезжает уже сытый, или кормит его прислуга. Причем кормит тем, что готовит опять же не жена, а

прислуга. Он часто и вообще не приходит, или приходит... ну вы понимаете... после общения с другими дамами... А что можно сказать? Он за все платит, он хозяин.

Самое главное – чем ей вообще заниматься, этой «счастливнице»? Если не работать, и своего дела у нее в жизни нет, тогда чем вообще заполнить время?

– Ну-у... Домашним хозяйством? Муж зарабатывает, жена дом ведет...

– В наше время на это столько времени не надо. Полуфабрикаты, услуги, все могут сделать специалисты. На ведение дома нужно раза в три меньше времени, чем в эпоху керосинки...

Коме того, для кого дом-то вести? Муж проснулся часов в шесть, уехал на работу. Иногда таблетку принял, чтобы быть в силах проснуться, но, уверяю вас, проснулся и уехал. Или там шофер его увез. А в 11, в 12 ночи муж приехал, или его привезли. Муж упал и сразу же заснул. Проснулся в шесть... Улавливаете некоторый круг, Андрей Михалыч?

– Вроде улавливаю. Но еще же есть и воскресенье.

– А по воскресеньям он будет просто спать, Андрей Михайлович! Элементарно отсыпаться. К вечеру проспит, примет ванну, оденется, поедет в гости. Иногда с женой – тогда будь добра соответствовать. В смысле, макияж, одежда, пара кило золота.

Зачем делать дом, уютный очаг для такого человека? Он не оценит, уверяю вас. Ему просто не до очага, у него нет на очаг времени и сил. Если даже дать ему очаг, он не будет знать, что с ним делать.

– Ты же говоришь, он сам хочет, чтобы жена не работала...

– Тут вопрос престижа, неужели не понятно? Еще и пережиток некоторый в нас всех до сих пор сидит – ну как же, обеспеченная семья, женщина, само собой, не работает, делает дом... Голсуорси, Толстой, Марк Твен...

– Прошлый век?

– Прошлый век, другая культура. Культура, в которой есть ценность дома, семьи... А эти-то откуда? Из домов? Нет, очень редко. Мало у кого в детстве был дом как особое место, где его всегда ждали, любили... Эти люди из пятиэтажек, а то и из общежитий. Дом? Это для них такое место, где стоят стулья и кровати. Дом и помещение – это для них одно и то же...

– Ну... тогда можно заниматься детьми. Делать дом, но уже не для мужа, а для детей... Это же куча работы!

– Этим тоже занимаются специалисты, за деньги. Научить ребенка языкам? Пожалуйста! Плати доллары, научат! И в Англию повезут, и в Америку, и в семьях там дети жить будут, и все, что только душевненьке угодно.

Так со всем, не только с языками. Нужны детям хорошие манеры? Нужно, чтобы они хорошо танцевали, умели бы вести себя за столом у английской королевы? Научим! Вот я этим и занималась, знаю.

Ребенок интересуется ботаникой? Или геологией, или там... ну, заселением Полинезии, по Туру Хейердалу. Что ж, всегда найдем специалиста, он с ребенком позанимается – сделает, найдет, растолкует. Умная, образованная мать тут не нужна... В смысле, можно обойтись и без нее.

– Бабушка у меня всегда говорила, что дом стоит на неработающих женщинах. Если есть женщина, которая ведет хозяйство, обо всех заботится, всех кормит и всем стирает носки, – уже есть дом. А такая женщина еще и помнит все дни рождения, всех родственников, всех друзей, кто на ком женился, кто с кем сошелся и кто любит какую еду или сидеть на каких табуретках...

– Все верно, Андрей Михайлович, только ведь ваша бабушка и представить себе не могла, что люди могут жить без семьи и без этого самого дома. Тем более что люди могут и не хотеть никаких таких семьи и дома. Для поколения бабушек были только семьи хорошие и плохие. Хорошие – это где муж богатый, а жена здоровая; где все устроено по разуму, где

много вкусной еды, где дети ухоженные и здоровые. А плохие, соответственно, где муж пьет, жена лентяйка, дети сопливые, бегают без присмотра...

Тут ведь все совсем не так, поймите... Тут жена и не работает, а все, что она может делать в доме, все равно никому заведомо не нужно. Пусть она окажется хоть гением домашнего хозяйства – ну и что?

– Тогда, получается, у них и дома никакого нет, нет и семьи...

– Так зачем она им, «новым русским»? Они живут работой, на работе. Там их дом и есть. У многих сравнение офиса и дома – не в пользу дома. В офисе все продумано, вплоть до дивана и до сауны. Не ухмыляйтесь, Андрей Михайлович, не ухмыляйтесь и не думайте сразу плохого! Чаше всего кушетка нужна для отдыха, если работают круглые сутки. А сауна – опять же отдых, деловые встречи... Дома – постоянный ремонт, бардак, который закончить вечно чего-то не хватает – то ли денег, то ли все-таки особого желания...

– А любовь? А к детям любовь?

– Да в их жизни все эти сантименты – все эти любви, преданности, домашние уюты, кудряшки, первые зубики, штанишки – занимают такое убогое место, что даже говорить неловко. Они об этом, кстати, и не говорят – некогда, не с кем, да и стесняются. Их на все это не возьмешь. Что называется, не на тех напали.

– Ну а все-таки про женщин. У тебя получается, женщинам делать в жизни новых русских просто в принципе нечего.

– В том-то и беда... Им и правда совершенно нечем жить... Причем зависимость колоссальная, просто сверхзависимость какая-то. В прошлом веке муж зарабатывал все деньги, но он и ответственность нес. Без мужа-то не прожить ей, жене. А раз так – то и бросать нельзя. Бить можно, пугать можно, затюкать до рабского состояния... но не бросать. А нынешние что, без мужа не проживут?! Прекрасно проживут себе, так что и моральных запретов куда меньше. Но уровень-то жизни, положение в мире дамы сразу потеряют, без вопросов, стоит только мужу их оставить... Получается, что особой ответственности он не несет, но вот лишить может сразу и многого.

К зависимости – еще и полная беспомощность. Держать-то нечем... Про семью, про дом мы говорили. Детей можно поднять и без матери. Тем более, считается, она и не очень нужна – все сделают специалисты. Простите, секс? Ну вот, вы уже усмехаетесь.

Так что делать бабам нечего и незачем. Это факт, Андрей Михайлович, и это-то самое страшное. Самоутвердиться – терпеть не могу этого слова, а что делать, – самоутвердиться им не на чем и негде. Муж – это все, это глыба, а она – так себе, придаток... Совсем не обязательный придаток. Отсюда и стремление себя поставить... ну хотя бы на словах; соответственно, критичность, вечная оппозиция всему, что делает муж. Хотя этому есть и еще одна причина... Думаю, понятная. Ну, и все прелести женского одиночества, неуверенности, зыбкости положения – тут и истеричность, и «невры», и деградация. И нравственная, и даже чисто внешняя. Для кого, спрашивается, быть красивой и милой?

– Неужто никаких шансов? Что называется, полная безнадега?!

– Не полная, конечно... Кому нужна нормальная семья, тот ее и строит. Только ведь сперва надо захотеть что-то иметь, а таких мало.

Еще хорошо, когда они оба в одном общем бизнесе; тогда им есть о чем разговаривать, у них общие суждения, общие интересы... Это не традиционная семья, это уже что-то другое, но это семья.

Или хорошо, когда у жены есть что-то свое, пусть вовсе и не в бизнесе. Была гувернанткой у одних, где она – художница. Свой мир, свои знакомые, свой образ жизни... Это уже брак не такой и неравноправный, тут весовые категории сравнимые. У женщины есть своя жизнь, какой-то свой профессиональный круг, свои средства... Если она и останется

одна – не только не пропадет, но и себя вполне сохранит. Нет неуверенности, напряженности этой, страха... Нормальные отношения, равноправные.

– Лен, а ты как считаешь, новые русские это понимают?

– По-разному... Мужики из предпринимателей себе обычно кого ищут? Они же тоже самоутверждаются. Если тебя самого комплексы к земле тянут, кого тебе тогда нужно? Да того, кто согласен на роль семейного придатка, заранее готов. Того нужно, кого можно об колено ломать и чувствовать, какой ты сам умный и сильный. Или кто сам активничает, нового русского себе ищет: делай со мной что хочешь, только обеспечь. Женщина самостоятельная ведь этого делать не будет, вы же понимаете, Андрей Михалыч, и на роль придатка она совершенно не годится...

Такой вот разговор состоялся уже после этой истории.

А до нее – разбирайтесь сами, идиллия там была или не идиллия, в этой семье, а только было вот как: Дмитрий Сергеевич появлялся в доме на несколько часов, исключительно для того, чтобы выспаться. Катю он почти что и не видел, а если видел – не знал, о чем с ней говорить. Он никогда не занимался с ней. Ни разу за все время службы Лены не проговорил с ней больше нескольких минут. Лена читала с Катей, ходила с ней гулять, рассказывала сказки, мыла ее, учила всяким простеньким, но полезным вещам.

– Посуду ведь все равно надо мыть! Так почему не сделать это весело?!

И они с Катей-Аурелией мыли посуду весело и с удовольствием, а потом шли гулять. В плохую погоду лепили пирожки или делали торт... Дмитрий Сергеевич все удивлялся, зачем Лена печет торты и учит этому Катю. Да еще приносит ему, валящемуся от усталости, эти тортики в кабинет.

– Пусть она учится делать что-то по хозяйству...

Дмитрий Сергеевич дико уставлялся на Лену: что за чепуха?! Женщины его круга не занимаются такой ерундой, как всякое домашнее хозяйство! Этим занимаются разные дуры, которые не успели ухватить своего, не крутанулись, не сумели разбогатеть, набить зоб свой, подняться над серой массой быдла, которое работает и само печет пирожки...

– Еще это способ любить вас, Дмитрий Сергеевич. Я хочу, чтобы Катя вас любила, и хотела бы делать что-то приятное для вас. Почему бы и не тортик?

На такие речи Дмитрий Сергеевич смотрел еще более дико, и Лена видела – он старательно пытался думать, причем о чем-то страшно непривычном. Умный человек на четвертом десятке даже сопел и кряхтел от таких сложных мыслей, и лицо у него делалось несчастное.

Трудно сказать, насколько привязалась Катя к отцу, но к Лене привязалась чрезвычайно. И еще к огромному Пушку, злополучному коту-кастрату. Несчастного Пушка изуродовали месяцев в пять, и он теперь делал только две вещи: жрал и спал. Больше всего это животное походило на огромную мохнатую колбасу, из которой спереди торчит круглая голова с глазами навывкате, а сзади хвост – всегда под одним и тем же углом, потому что двигать Пушок мог только самыми последними суставами хвоста. Те, что ближе к попе, тонули в геологических слоях жира, почти что не двигались. Голова тоже двигалась плохо; если Пушок хотел что-то увидеть, он поворачивал не голову, а всю переднюю часть тела, или даже поворачивался весь.

Валентина Николаевна иногда с Пушком «играла»: ставила его на лестнице, благо квартира на двух уровнях, и пинала сзади. Даже не пинала, а так – придавала ускорение. Кот, издавая пронзительное «У-ууу!!!», семенил вниз по лестнице, не в силах ни остановиться, ни свернуть. Он набирал такое ускорение на лестнице, что бежал через всю комнату, влетал в кладовую, открыв ее головой, и только там мог остановиться, развернуться вокруг своей оси. Но когда котяра уже собирался выскочить из кладовой и удрать, его снова ловила хохочущая Валентина Николаевна, тащила наверх. Кот шипел, плевался, завывал, но пустить в

ход когти у него никак не получалось – слишком медленно кот двигал своими заплывшими, едва ходящими в суставах лапами. Согнуть лапу он почти и не мог, потому что лапа у кота больше всего напоминала валик подушки.

Но видимо, что-то нормальное, кошачье, свойственное всему живому все же оставалось в этом заплывшем дурным салом, изуродованном существе: кот забирался на Катю, на руки, обхватывал за шею передними лапами, мог часами петть громко, как моторная лодка. Лене приходилось перекрикивать кота, если она читала Кате.

Когда готовили что-то в кухне, кот укладывался на стол, прямо на тесто, и приходилось его сгонять; тогда кот перебирался на колени к Кате или к Лене и пел, как подвесной мотор.

В спальне Кати стояла специальная кровать для Пушка – точно такая же, как у девочки. Катя перед сном укладывала кота в эту кровать. Она даже пыталась одно время надевать на кота ночную рубашку, но он так шипел и плевался, что Лена без труда уговорила Катю играть с котом как-то иначе.

Кот упорно не желал спать под одеялом, а на подушку клал не голову, а хвост... но это уже другое дело... Главное, что кроватей в спальне было две, и Катя часто шалила – забиралась в кошачью кровать; как-то раз она там на самом деле заснула, а Пушок улегся рядом, нисколько не возражая.

Так что в доме все-таки жили любящие друг друга и преданные друг другу существа.

А Валентина Николаевна... спала до часу дня, потом орала на прислугу, вяло шаталась по косметическим кабинетам и магазинам, каким-то женским клубам, валялась на диване перед видеокомбайном, часами смотрела телевизор. Лена ни разу не видела, чтобы она села за компьютер, раскрыла бы книгу, пыталась что-то сделать руками. Это было дико Лене; она не понимала и не очень уважала вторую жену хозяина, старше ее самой лет на пять.

Конечно, Валентина Николаевна презирала Лену – не сумевшую подняться, встать над стадом серого быдла, которое само моет посуду и печет тортики. А тут еще это быдло жило весело и с удовольствием, без раздражающего рот зевания посреди дня, без мучений, как убить побольше времени. Орать на Лену и обижать ее Дмитрий Сергеевич запретил; от этого Валентина Алексеевна ненавидела Лену еще больше.

Ну и, конечно же, Катя... Лена прекрасно видела, что Валентина Николаевна люто ненавидит Аурелию, особенно с того времени, когда сама понесла. Понятна была и причина: наследство. Быть матерью единственного наследника или одного из нескольких – это для нее оказывалось таким важным, что при одном виде Кати Валентине делалось нехорошо.

Никак нельзя сказать, что Валентина Николаевна вести себя не умела. Еще как умела! По сравнению с ней как раз Лена казалась наивной простецкой девчонкой, у которой что на уме, то и на лице написано. Но как ни улыбалась Валентина Николаевна масляной улыбкой, как ни прищуривала глаза, ни тянула, сюсюкая, слова: «Ой! Вот она, и наса детоцка!» – а сразу было видно, с каким удовольствием она сомкнула бы на детском горлышке длинные, тонкие пальцы с кроваво-красным лаком на ногтях. Прищур глаз будил в сознании не уютные материнские выражения, а прищур хищника перед броском через заросли, напряженное внимание солдата, поднимающего ствол над бруствером, прищуривающегося туда, где перебегают фигурки в чужих мундирах.

Чувствовала это и Катя, напрягалась, зажималась при виде Валентины Николаевны. А уж когда девочка, шарахаясь от одной, сильно привязывается к другой, как же тут ее не возненавидеть?! Хоть выпячивай нижнюю губу, хоть нет, а чувствуешь превосходство этой... к которой мчится ребенок, услуги которой ценит муж.

Особенно же неприятна Лене была одна из подружек Валентины Николаевны, Кира Викторовна. Длинная, тощая, с узким личиком, с тонкими изогнутыми губами стервы. Может, потому, что, бесцеремонно оглядев Лену, скрылась в комнате Валентины Николаевны, и оттуда донеслось громкое:

– Ты права, забавная зверушка!

Или потому, что еще чужероднее, еще страннее Валентины Николаевны для Лены была Кира Викторовна.

А может быть, все-таки и потому, что чувствовалась в Кире Викторовне что-то темное, мрачное, очень далекое от жизнерадостной, здоровой натуры Лены.

Во всяком случае, именно с Кирой Викторовной собиралась ехать в Таиланд Валентина Николаевна, и с ней-то связаны все остальные события. Дмитрий Сергеевич отдохнуть в Таиланде позволил, приставил только двух охранников, и денег дал: ведь впереди у Валентины Николаевны были еще пять месяцев беременности, а потом еще кормление... Сплошные ужасы! Что во всем этом ужасного и почему беременную жену надо жалеть, а не поздравлять, Лена так и не поняла; но Дмитрий Сергеевич, как видно, очень даже понимал. Он входил в положение жены: несчастной, забеременевшей от него в законном браке и теперь ужасно страдавшей.

Неделя, которую Валентина Николаева с Кирой Викторовной шатались по Таиланду, была чуть ли не самой счастливой в жизни дома: никто не мешал Лене и Кате спокойно жить и радоваться этой жизни. А потом появилась Валентина Николаевна с кучей подарков: мужу – чучело несуществующего зверя йесина, для украшения кабинета и чтобы пускать пыль в глаза; большущая кукла для Кати; какой-то потрясающий корм для Пушка, какого нигде больше, кроме Таиланда, днем с огнем не сыщешь. И даже для Лены Валентина Николаевна привезла огромную сверкающую кастрюльку – наверное, она так шутила.

Кукла была огромная, почти в рост трехлетнего ребенка, с очень выразительным восточным лицом, мягкая и увесистая, непонятно из какого материала. Катя просто вцепилась в эту куклу, буквально оторваться от нее была не в состоянии, и пришлось поставить в спальне еще одну, третью кровать. А Лене почему-то стало неприятно от пристального взгляда глаз-бусинок куклы. Она стала сажать это чудо искусства подальше от себя или вообще в другой комнате.

Катя, впечатлительная девочка, до тех пор рассказывала истории в основном из жизни Пушка – ее послушать, так кот чуть только не летал, ловя мошек, и был такой умный, что, когда мурлыкал, рассказывал сказки.

Теперь наступила очередь Тайки – Валентина Николаевна уверяла, что именно так зовут куклу. И умная эта кукла была необычайно, и знала все на свете, и, конечно же, была живая, умела сама ходить.

– Все куклы у тебя живые, Катя!

– Они все понарошку живые, а Тайка в самом деле живая. Она ночью ко мне подбегает, и на горшок сама ходит!

– Разве другие куклы не умеют к тебе подходить?

– Они умеют понарошку... А Тайка в самом деле ходит, она мне горшок приносила!

Оставалось только порадоваться и выразить удовольствие, что есть кому принести Катеньке горшок по ночам. Но что-то смущало Лену в этих рассказах... Она не смогла бы объяснить толком, что именно, но Катины рассказы про Тайку ей не нравились, и она не позволяла Кате ложиться спать в одной кровати с Тайкой. Позже она уверяла, что не было у нее никаких совершенно предчувствий, никаких опасений – просто не нравилась ей кукла, и все. Тем более не нравилось, что Катя стала лучше относиться к Валентине Николаевне, даже стала подражать ей, разговаривая с Тайкой:

– Ну цто зе ты, моя детоцка-а...

А Валентину Николаевну очень забавляли эти разговоры и ее популярность у Кати. Она стала часто прикасаться к ребенку, гладить его, и при этом смеялась глубоким грудным голосом, внимательно глядя на Катю.

Наступал август, ночи стали звездопадными, небо темно-бархатным, глубоким. Исчезли летучие, нежные краски первой половины лета, полная луна выкатывалась багровою, мрачною; только поднявшись совсем, становилась поменьше в диаметре, меняла цвет на медный, излучала медовый свет. Приближалось полнолуние.

Валентина Николаевна была уже на шестом месяце, переживаемые ею страдания сделались так тяжелы, что Дмитрий Сергеевич купил ей бриллиантовое кольцо и сережки с индусскими рубинами: от них страдания несчастной Валентины Николаевны не исчезали, но становились все-таки не до такой степени непереносимы.

Эти недели были не очень хорошими, потому что Дмитрий Сергеевич уехал, а Валентина Николаевна, естественно, никуда не девалась... в доме стало очень напряженно.

В этот вечер Лена, как обычно, уложила спать всех трех, каждого в свою кровать: и Катю, и Пушка, и Тайку. Кот сопел, не желал спать под одеялом, вылезал на подушку и наконец заснул, свернувшись в своей кровати калачиком, избалованный до идиотизма. Лена еще почитала перед сном, глядя на огромную луну, плывущую за сквером, и уснула.

А спустя какой-нибудь час Лена вырвал из кровати дикий вопль: такой, что она сразу не поняла, человек вопит или животное. Звук шел как будто из детской. Снова дикий, перекрученный вопль... Или орут сразу в два голоса?! Лена еще пыталась это понять, а уже мчалась по коридору, на ходу надевая халат, мчалась совершенно инстинктивно.

Так же инстинктивно рванулась рука к выключателю. Напрасно, потому что происходящее в залитой луной детской и без того было прекрасно видно. Лена только ударила сама себя по глазам этим светом, потеряв какое-то мгновение. Ревущая, обезумевшая Катя метнулась к ней, судорожно вцепилась в ноги, в рубашку, стала карабкаться на Лену, как на дерево или на столб. Ребенок вел себя словно зверушка, и винить его было бы трудно.

Потому что второе, сразу увиденное Леной в детской, был какой-то непонятный клубок возле кровати Пушка. Очертания клубка определить было трудно, комок все время шевелился, менял конфигурацию, и все время ужасно кричал.

Клубок распался. Половина клубка звучно шлепнулась на пол – с таким звуком, с каким падает мокрая тряпка. Таким же мокрым, красно-блестящим было и упавшее на пол. Пушок... нет, правильнее сказать, какая-то часть, от силы половина Пушка, поползла по полу, забила, загребая единственной лапой, издавала страдальческий вой, от которого хотелось заткнуть уши. За сравнительно целой частью тянулось, липло к полу что-то зелено-сине-багровое, и это «что-то» судорожно сокращалось, как бы жило своей, самостоятельной жизнью.

Второй половиной комка оказалась Тайка. Она и правда стояла, вполне уверенно стояла на ногах. Кукла тоже была красная, блестящая, и она всем корпусом, переставляя ноги, как живое существо, развернулась к Лене; стало еще виднее, как страшно заляпана кукла слипшейся шерстью Пушка и как она залита кровью. Катя на руках крепче вцепилась в Лену и взвыла сильнее. Кукла засемила в их сторону, ее полные губы вдруг распахнулись, рот поплыл в разные стороны, захватил пол-лица, и за тонкой красной линией губ открылись два ряда треугольных зубов. Зубы щелкнули, и видно было – нижние зубы входят в промежутки между верхними, образуя сплошной матовый ряд, костяную линию в несколько сантиметров. Катя опять заорала сильнее, забила, Тайка продолжала семенить в их сторону. Только тут до Лены дошло, что с ней и с Катей сейчас будут делать то же самое, что и с Пушком.

Лена вылетела в полутемный коридор, помчалась, спасая свою жизнь и жизнь ребенка. Сзади нарастал жуткий крик умиравшего Пушка, частый топот маленьких ножек. Сразу возле спальни была ее комната, потом столовая, гостиная, и потом комната Валентины Николаевны. Лена бешено рванула на себя, задержала дверную ручку:

– Вставайте! Беда!

Дверь осталась наглухо заперта, но Лене послышался грудной сдержанный смех в глубине комнаты. Очень может быть, что и послышался, потому что возле двери она стояла самое большее секунду: сколько было нужно, чтобы попытаться открыть дверь и прокричать предупреждение: расставив ручки, жутко ощерившись, за ними деловито семенило существо, только что бывшее Тайкой.

Дальше была дверь парадного входа, но Лена точно знала – она заперта, и ключ – только у Валентины Николаевны. Потом – дверь в кабинет Дмитрия Сергеевича, за ней маленькая дверь в торце – черный ход в кухню и на черную лестницу.

Лена не знала, заперты ли обе двери или нет... Вроде дверь в кухню заперта, потому что черная лестница спускается на площадку возле комнаты охраны. Оставался кабинет, и в него с топотом ворвалась Лена. Она впервые была в святая святых Дмитрия Сергеевича и на какое-то мгновение остановилась, оцепенела от своего святотатства. Клацание ножек по паркету придало новых сил. Залезть на стол? Залезть на сейф? Позвонить по телефону? Не успеет! Найти бы что-нибудь тяжелое... Возле сейфа мерцали красные лампочки, какие-то кнопки, и Лена стала нажимать эти кнопки, смутно понимая, что это – части сигнализации, выход во внешний мир, возможное спасение. Ага! Возле сейфа стояла палка. Обыкновенная палка, но, видимо, из лиственницы или клееного дерева, тяжелая. Изогнутая, расширенная на конце, очень удобная в руке палка, и Лена перестала убегать.

Кукла продолжала довольно быстро семенить в ее сторону, Катя все вопила и орала, стискивая Ленино плечо, и Лена (сама понимая, что слабо) ткнула тварь этой палкой в лицо. Палка вывернулась, Тайка двигалась почти без остановки, Лене снова пришлось убегать. Вроде бы где-то на предделе слышимости взвыла и сразу замолчала сирена... Лена не вполне была уверена. Она размахнулась еще раз, поняла, что сильно ударить не сумеет... с трудом оторвав от себя Катю, девушка посадила ее на шкаф – все-таки повыше. Тайка целенаправленно семенила к ней, и Лена почему-то была уверена – кукла ее прекрасно видит. Она не была уверена, что сможет попасть по Тайке так, чтобы ее остановить и чтобы кукла не увернулась. Девушка обеими руками ухватила за рукоять палки, ударила с такой силой, что у нее самой потемнело в глазах от напряжения. Доводилось Лене и косить, и ездить на лыжах, так что мышцы у девушки были совсем не плохие. А вот палка подвела: плоская, как хоккейная клюшка, она ушла в сторону, только звучно шлепнула куклу по темечку, а сама врезалась в стол. Удар получился такой гулкой, что эхо пошло по квартире, стол зашатался, а от палки отлетела длинная узкая щепка. Лену словно исцелил этот удар: она почувствовала, что сможет бить с нужной силой. Тайка плюхнулась на зад, тут же подскочила, как будто подброшенная пружиной, и опять засемила к Лене. Лена отбежала от нее. Теперь Тайка оказалась между Леной и шкафом, на котором сидела Катя-Аурелия. Ребенок зашелся от крика, буквально завыл, заглушив своим воем Пушка.

Лена раза два взмахнула палкой, чтобы научиться направлять ее, плоскую, куда ей надо. Тайка деловито семенила, разевая и захлопывая пасть. Только теперь Лена поняла: позади нее все это время клацали не только ножки по паркету. На этот раз Лена попала: с воющим шелестом и свистом палка врезалась в голову Тайки, Лену шатнуло вперед. Громко треснуло, гулко отдалось, и куклу опрокинуло, пронесло по полу; теперь кукла сидела, прислонясь спиной к ножке стола. Она делала странные движения руками, челюстями, всей головой, судорожно шевелилась. Лена ударила опять. Девушка боялась угодить по ножке стола и направила удар сверху вниз, словно бы рубила топором. Ей показалось, что теперь удар получился слабее, но во второй раз треснуло еще громче, звонче, кукла распласталась навзничь.

Но и это еще было не все: из головы твари текла какая-то тягучая белая жидкость, ее ручки и ножки подрагивали, складывались в суставах, а жуткие челюсти как будто бы что-то жевали. Уже рыдая, уже позволив себе это, Лена двинула снова, целясь в проклятые челю-

сти, но ударила куклу по корпусу. Там тоже что-то захрустело, треснуло; в образовавшуюся трещину стала толчками проливаться другая жидкость – темно-багровая, со сгустками.

Может быть, Лена была бы еще, но тут подала голос Катя. С первым же ударом, рухнувшим на Тайку, девочка замолчала, только замороженно наблюдала сверху за битвой. А тут ребенок слабо пискнул, звук странно отдался в тишине, и Лена тут же отбросила палку, кинулась к девочке, стащила ее со шкафа... ноги у нее подкосились. Девушка рухнула на диванчик, обняла Катю изо всех сил и, задышавшись, лежала, как в оцепенении. Катя тихо плакала, икала, сотрясаясь от горя; только сейчас Лена начала понимать всю меру ее психотравмы. Опять начало орать то, что еще осталось от Пушки.

– Эй! Э-э-эй!

Над Леной стоял охранник – парень примерно ее лет, в камуфляже, с пухлым заспанным лицом.

– Эй! Что тут у вас происходит? Кто сигнализацию включил?

С четверть минуты Лена просто смотрела снизу вверх на это глуповатое сытое лицо, похожее на иллюстрацию к поговорке «солдат спит – служба идет», и наконец разлепила губы:

– Девочка чуть не погибла. Вон там, в детской... там посмотрите.

– Где?

– В детской... Там это существо съело кота.

Парень смотрел на Лену странно. И с мужским восхищением, хотя, по мнению Лены, выглядела она как угодно, только не привлекательно: в затрапезном халатике поверх ночной рубашки, сшитой самой из простынного ситца, всклокоченная, с перекошенным заплаканным лицом.

И в то же время смотрел солдатик с опаской, с недоумением – как смотрят на людей с поврежденной психикой... говоря попросту, на ненормальных.

– Да вы посмотрите... И на то вон, что под столом лежит, и в детской...

Солдатик кивнул, начал действовать, как ему сказала Лена, – наверное, привык исполнять, что ему говорит кто-то другой. Он наклонился над остатками Тайки и удивленно окликнул:

– Эй! Эта штука что... живая?!

– Я же тебе говорила... И бросай свои «эй». У меня имя есть – Лена.

– А я – Вадим!

Парень расплылся в идиотской улыбке, посмотрел так, что Лена инстинктивно запахла, стиснула халат у самого горла.

– Лучше посмотри в детской, Вадим...

Парень вернулся очень быстро, с совершенно перекошенным лицом.

– Это... Это все оно?.. Вот это?

– Оно... Вадик, ну сделай ты что-нибудь!

Как очень многие девицы, Лена искренне была убеждена: если появился мужчина, парень, ее проблемы уже кончились. Все, что нужно, сделают – вылечат Катю, пристрелят остатки Пушки, разберутся с Тайкой, дадут ей отдохнуть... Причем сделают это все сами, без подсказок, и лучше, чем придумает сама Лена. Такие представления часты у девочек, выросших в прочных семьях, с хорошими, надежными отцами.

Вадик тупо уставился на Лену, потом метнулся к пульту, где все еще мерцали красные лампочки, заговорил что-то, переводя тумблер то вверх, то вниз.

– Что у вас тут происходит?! Почему вы не даёте мне спать?!

В дверях комнаты стояла Валентина Николаевна. В халате, как и Лена, но сразу было видно, кто тут прислуга, а кто хозяйка: такой багровый с золотом, переливающийся был этот халат, такими кружевами выпирало из ворота халата то, что под ним.

И тут же хозяйка всплеснула руками:

– Что-то случилось с Катериной?!

Тут ее взгляд упал на Катю, сидевшую в обнимку с Леной, и лицо Валентины Николаевны отразило такую гамму чувств, что Лене опять стало нехорошо: истина начала приоткрываться ей.

Что сказать дальше? Появился начальник охраны: пожилой, сравнительно умный для военного, понятливый, и все стало решаться, как и думалось Лене: пристрелили остатки Пушка – голову и грудную клетку с одной лапой, позвонили каким-то знакомым ученым. Они увезли слабо шевелящуюся, порывавшуюся встать Тайку. Другие люди занялись Катей, что-то дали ей, укололи, произнесли какие-то мудреные термины. Ребенок постепенно успокоился, притих, а потом незаметно уснул. Врачи поговорили с Леной и оставили Катю в квартире, пока не вернется отец. Лена еще долго рассказывала обо всем произошедшем этому пожилому, спокойному, который смотрел хорошо. Вадим, слава богу, стоял рядом и молчал – неподвижно, как биоробот. Только уже утром все было кончено, и Лена сумела заснуть часа на два: дольше она боялась спать, чтобы Катя, уснувшая в ее кровати, не проснулась, пока она сама спит.

Днем прилетел Дмитрий Сергеевич; вечером, после разговоров с врачами, учеными и охранниками, дошла очередь до Лены. Лене улыбались и давали деньги, обещали повышение и самые лучшие рекомендации в лучшие дома, жали руку и расспрашивали о жизненных планах.

А Валентина Николаевна исчезла. Так и исчезла, стоило Дмитрию Сергеевичу войти в ее комнату с несколькими незнакомыми людьми. Лене казалось, что из ее комнаты слышался какой-то умоляющий голосок, но уверенности в этом не было никакой. Так, полупонятный, еле различимый звук на пределе слышимости, и все. Лена даже не видела, чтобы Валентина Николаевна выходила бы из своей комнаты. Вошедшие к ней люди вскоре исчезли из квартиры, и Лена никогда их больше не видела, но Валентины Николаевны с ними не было. И больше она ее никогда не видела: Валентина Николаевна исчезла, как будто растворилась в воздухе.

Лена больше не служит в этом доме, потому что после всех ужасных происшествий Кате уже нужна совсем не такая гувернантка, как Лена, а женщина спокойная, положительная и с медицинским образованием, лучше всего – педиатр. То, что Катя любила Лену, а Лена спасла ей жизнь – какое это имеет значение?! Все должны делать специалисты, и все дело в том, чтобы иметь возможность их своевременно нанимать. Кате пора самой понимать, как надо жить людям «их круга», а Лена ведь кто? Лена совсем простенькая девушка, годится только на самый ранний возраст, до элитной школы с уклоном в английский язык, до школы для «своих людей». С такой девочкой, которой еще рано в школу, опять занимается Лена. В семье, которую хорошо знает и Дмитрий Сергеевич.

Правда, Лена отказалась от другого предложения: выйти замуж за Дмитрия Сергеевича.

– Ленка! Как ты могла?!

– А зачем он мне, Андрей Михайлович? Он неумный, чужой... И не люблю я его.

– Наверное, могла бы и полюбить. Он ведь личность-то крупная, и человек неплохой.

– А он все равно не даст себя любить, ему этого совсем не надо. Он же думает просто: Валентина Николаевна не оправдала – ни денег, ни доверия не оправдала. Ему нужен наследник, а я молодая, здоровая, Тайку вон как разделала... Мне это нужно – новых балбесов рожать, а самой быть никем, зовут никак, живу нигде? Нет уж, стать женой нового русского – я для этого себя пока еще уважаю. А кроме того, вы не могли бы сказать – куда девалась Валентина Николаевна?

– Догадываюсь.

- Вот и я догадываюсь. Сказку про Синюю Бороду помните?
 - Конечно, помню, только ведь нет в современных квартирах такой комнаты...
 - Ага... Есть только молчаливые такие люди, приходят и уходят... По сравнению с ними куклы из Таиланда – это так, бабские штучки...
- В этом месте Лену сильно передернуло.

Глава 2. «Суриковская гимназия»

*Розга ум вострит, память напрягает
И волю злую ко добру прилагает.*

Педагогическая мудрость XVIII века

Дело в том, что этого же мальчика в старинной форме, стоящего в углу, видело много людей, хотя и в разное время, и, кажется, даже в разных зданиях Красноярска. Больше всего он связан, конечно же, с «суриковской гимназией», то есть с реальным училищем на Благовещенской улице (ныне улице Ленина), с одноэтажным каменным зданием под № 79.

Строго говоря, никакая это не гимназия. Дом этот вообще построил, чтоб в нем жить со своей семьей, мещанин П. Комаристов в 1829 году. А в 1832 году купец 3-й гильдии Власьевский это здание купил и пожертвовал народному уездному училищу: открыли училище еще в 1819 году, да вот помещения у него подходящего не было, ютилось училище в «неподобающем» доме. А дом Комаристова, стало быть, купец Власьевский счел «подобающим».

Называлось оно полностью так: «1-е Красноярское народное уездное училище». Никакая не гимназия. При советской власти, после создания единой трудовой школы, расположили тут начальную школу. До последней школьной реформы начальным считалось четырехлетнее образование, а в здании было как раз четыре классные комнаты, кроме удобнейшей рекреации и такого же удобного кабинета директора. Название «суриковская» появилось потому, что в этом училище в 1856–1861 годах учился Василий Суриков – отблески его славы падали и на здание, и на школу, расположенную в нем.

У многих красноярцев связаны с этим зданием самые идиллические воспоминания: ведь в 1960-е годы, когда уже стали обычным делом школы-гиганты, на 800 и на 1200 учащихся, «суриковская школа» оставалась островком милой патриархальщины, где как-то не было ни хулиганства, ни грубости и обезлички нравов, типичных для огромных школ. Учеников было мало, учителей – вообще единицы, и все хорошо знали всех.

И была такая вот возможность, как у нашего класса, выпускного 4-го «А». В этот весенний день, под пронзительно-синим небом майской Сибири, в нежной грязи, пропитанной водой таких же пронзительно-синих ручейков, мы отыскиали кости, и появилась у нас некая уверенность – а ведь это, скорее всего, кости динозавров, а может быть, каких-то других древних животных? Иначе почему бы вымыло эти кости водой из земли и швырнуло перед самой школой?!

Долго мы выясняли, какое бы древнее животное могло оставить эти кости, пока не пришла тетя Поля, вахтер и непререкаемый авторитет.

– Ну и чего уставились?! Лошадиные челюсти валяются! – коротко прикрикнула она, поддав ногой этим косточкам, ввергая нас в недолгую, но бурную десятилетнюю тоску. Нет, расставаться со сказкой мы не хотели никак.

– А может, на этой лошади ездили древние великие герои? – вздохнул Андрюша Гуров – тогда милый и маленький, очень увлеченный естественными науками. Настолько, что даже подвергался в школе репрессиям в виде проработки на «линейках» – нельзя же было допустить, чтобы третьеклассник ловил и сажал в спичечные коробки тараканов, да еще непосредственно на уроках!

Впрочем, даже обучение в советской школе не отбило у Андрея Гурова любовь к естественным наукам. Он долго работал в Институте леса и древесины Академии наук, потом

преподавал, читал лекции по энтомологии Сибири в Падуанском университете... А сейчас опять трудится там же, в Институте леса.

Так вот, в этот весенний день, звонкий, промытый вешними водами, я как будто видел стоящего в углу школьника в странной, необычной форме. «Как будто» – потому что не приставившись, не фиксировал внимания. Если я даже что-то видел, а не померещилось, и если я не стал жертвой «ложной памяти», заставляющей «помнить» не то, что было в действительности, а то, что навязано грядущими событиями... Если даже я и видел этого стоящего в углу, было сие мимолетно, никакого серьезного внимания я на него не обратил. Скорее всего, я бы вскоре намертво забыл этот случай, если б не все дальнейшее.

Что характерно, этот призрак никогда не появлялся в классной комнате или в буфете; никогда не подсаживался за парты к ученикам во вторую смену, когда на улице давно темно, и не пытался играть в какие-то обычные детские игры, типа лапты или чехарды. Единственное место, где иногда возникал мальчик в гимназической форме, – это угол в рекреации, всегда один и тот же – восточный.

Появлялся он решительно в любое время дня. Не могу ручаться за ночь, потому что ночью это место никогда никем не посещалось, а привидение было очень тихое, никогда не издавало никаких звуков. Оно вполне могло всю ночь простоять в углу, не обратив на себя ни малейшего внимания. Очень может быть, он и правда стоял там всю ночь, только никто не видел; кто знает?

В этом здании привидение мальчика исчезло, когда «суриковскую гимназию» перепрофилировали – вместо общеобразовательной школы разместили в том же здании музыкальное училище. Было это в середине 1970-х годов; после этого никто никогда не видел в этом здании призрака.

Впрочем, некоторые относят появление этого призрака к совершенно другому зданию, в квартале от «суриковской школы», – к зданию мужской гимназии, на углу Благовещенской (Ленина) и Гимназической (Вейнбаума), по адресу Ленина, 70.

Это здание гораздо презентабельнее первого – красивый резной камень, три этажа, высокое красивое крыльцо. Якобы и в этом, построенном в 1888–1889 годах здании встречали призрака, стоявшего то в углу одной аудитории, то в другой. Очень это странно, потому что в мужской гимназии была даже Кирилло-Мефодьевская домовая церковь – над вторым этажом, в центральной части. Впрочем, эти воспоминания относились почему-то к строго определенному периоду времени – ко второй половине 1930-х, к сороковым годам. В это время, разумеется, ни о какой такой мужской гимназии и речи быть не могло, и даже само слово «гимназия» считалось буржуазным, в принципе враждебным новой власти. В здании мужской гимназии с 1932 года разместили сельскохозяйственный институт, и призрак, стоящий в углу, несколько раз замечали студенты института.

Но, мне кажется, полуголодные студенты тех лет могли и ошибаться – был слух о призраке «в гимназии», а эти студенты вполне могли перепутать здание «суриковской гимназии», как его тогда уже называли, и здание настоящей мужской гимназии, в котором они сами учились. Ну, а если студенты смогли убедить себя, что призрак появляется именно здесь, они вполне могли убедить себя и в том, что они этот призрак «увидели».

Говорили мне и о появлении этого призрака в здании № 83 по улице, которая в 1881–1885 годах, когда этот дом построили специально под женскую гимназию, называлась Большой Воскресенской. Потом улица стала называться проспектом Сталина, а после исторических решений XX съезда, разоблачивших культ личности Сталина, сделалась проспектом Мира; в этом качестве она существует по сей день. Дом этот расположен всего в двух кварталах от «суриковской школы» и в трех – от мужской гимназии. Но только призрак там появляться никак не может, потому что это здание женской гимназии, а при советской власти там размещались филологический и исторический факультеты педагогического института.

Вполне могу представить себе появление там не менее интересного призрака – но будет это, если хотите, призрак нерадивой гимназистки или студентки филфака, а уж никак не гимназиста.

Это было тихое, никому не мешавшее привидение, сквозь которое просвечивали стены и которого никто, насколько мне известно, не боялся. Привидение, по моим сведениям, не появлялось уже лет сорок или около того. Видели его, повторяю, многие, и даже дети обращали на него внимание – потому что нас если и ставили в угол, то не лицом, а спиной к стенке, и совсем не обязательно строго в угол. Существовало даже выражение: «Поставить охранять доску», то есть ставить учеников возле доски, как бы в некоем карауле. Но, с другой стороны, и обращать внимание на привидение считалось глубоко неприличным.

Я долго расспрашивал старожилов, пытаюсь понять – чье привидение это могло быть? Призраки детей вообще появляются редко. Настолько редко, что некоторые специалисты и теоретики по этой части вообще отрицают такую возможность. Якобы дети любого возраста не становятся привидениями, независимо от причин и способа их смерти. Но в углу «суриковской школы» вполне определенно возникал именно подросток, примерно лет 13–14 или, самое большее, 15. Тут приходится исходить из фактов – вот такое привидение появлялось в одном из зданий Красноярска в совсем не таком давнем прошлом. История, которую мне удалось узнать, скорее всего, неполна и страдает множеством неточностей. Слишком о многом не полагалось говорить и даже думать все десятилетия, которые Колька Сорокин появлялся в здании начальной школы № 1 города Красноярска. Даже сам факт появления призрака, а уж тем более обстоятельства его появления были очень уж нелюбезны сердцу и властей, и основной части общества. Даже если кто-то что-то знал, он загонял свое знание на самое дно и старался не вспоминать ни о людях, ни об их судьбах, ни о событиях этого страшного года от Рождества Христова 1918-го.

А началось все с того, что сын мелкого чиновника земельного ведомства Колька Сорокин оказался органически не способен выучить немецкий язык. Впрочем, Николая Николаевича Сорокина-старшего, отца Кольки, иногда называют еще чиновником лесного ведомства. Вроде бы размечал он лесные массивы – какие отводить под раздачу переселенцам, а какие оставить в собственности у казны. Две старушки даже яростно спорили на моих глазах – был ли Николай Николаевич Сорокин «ученым агрономом» или «ученым лесоводом». Я присоединяться к этому спору не буду: во-первых, размечать делянки мог с одинаковым успехом чиновник обеих ведомств и человек с любым из этих двух образований – лесным и агрономическим. А во-вторых, это не очень важно для нашего повествования. Несравненно важнее для него сочетание у папы-Сорокина двух качеств: патологической серьезности при дефиците фантазии и чувства юмора (то-то в семье три поколения подряд были одни Николаи); и, в качестве второго важнейшего качества, уважение к науке и страстное желание как-то выучить сына, увидеть его полезным и почтенным членом социума.

Ну вот, а сын в первом же классе училища не смог сдать немецкий язык! Получил двойку, а при попытке пересдать – так и вообще двойку с минусом! Папа сделал, что мог, – выпорол Кольку ремнем. Он вполне искренне и простодушно полагал, что свой отцовский долг с избытком выполнил. Колька плакал и орал, выворачиваясь из цепких папиных коленей, но выучить немецкий все равно остался не в состоянии, завалил экзамен в третий раз.

Дальнейшее покрыто не то чтобы совсем уж мраком... Скорее, можно сказать, что дальнейшее покрыто легкой, как бы вечерней мглой, потому что неясно – был ли Колька до этого знаком с Яшей Вейнгартеном или нет? Велика ли разница? Как знать... Потому что, по мнению одних, и совсем не обязательно глупых людей, папа-Сорокин сам подтолкнул своего сына к революции, своим педагогическим варварством. Повадившись лупить сына, он просто вынудил его мстить жестокому отцу, а заодно, получается, и всему, что отец отстаивал и «вколачивал» такими методами в Кольку.

Но другие, и тоже совсем не глупые люди полагают прямо противоположное: дегенерат Колька с самого начала просто не мог не пристать к революционному берегу – именно потому, что уродился идиотом, и ничего тут не поделаешь. Эти люди полагают, что корень зла как раз в том, что папа Кольку еще мало порол: вот если бы начал пороть раньше и свирепее, глядишь, и Колька не посмел бы примыкать к революции и заниматься прочими гадостями.

А Колька гадостями занимался хотя бы уже в том смысле, что совершенно не учился. Стараться-то он старался, но все равно сидел по два и по три года в каждом классе. Современный читатель уже не помнит, наверное, что такое вообще «второгодник». Современная педагогическая система очень гуманна, она даже самого отпетого идиота считает полезным аккуратно переводить из класса в класс: нельзя же наносить психологические травмы деткам!

К тому же сейчас высокогуманные педагоги всерьез считают, что все дети очень одаренные и что это фашизм – воображать, будто одни дети умнее других. Все люди всех возрастов не бывают лучше или хуже друг друга, а бывают разными, и только. Поэтому детям лучше бы вообще не ставить никаких оценок, а если приходится ставить, то лучше ставить все оценки совершенно одинаковые. Тем более совершенно немыслимо одних детей переводить из класса в класс, а других – не переводить! Это и есть подчеркивание зловредной выдумки, будто одни лучше других, то есть интеллектуальный фашизм...

К чему приводит действие этого высокогуманного принципа, видно очень хорошо – и уровень получаемого образования, и качество выпускаемых специалистов неуклонно снижаются уже лет пятьдесят, и к чему придет вся мировая цивилизация, сказать трудно. Но во времена, о которых идет речь, документ об образовании действительно что-то реально означал; если человека переводили в другой класс, то, уверяю вас, он знал материал предыдущего года обучения! Попробовал бы он не знать!¹

Колька материала не знал, и его, соответственно, в другой класс не переводили; чем дальше, тем оригинальнее смотрелся здоровенный жлоб, учащийся вместе с детьми на два, а потом и на четыре года младше. Вообще-то в училище шли в девять лет, но сердобольный домашний доктор пообщался с Колькой, поспрашивал его о том, как он живет и чем интересуется, а потом посоветовал родителям отдать Кольку не в гимназию, а в училище, и не в девять лет, а на год позже... Пусть поживет, окрепнет до училища. Колька пошел в училище в десять лет; в первом классе он сидел два года, и целых три года, – во втором; к концу второго класса ему исполнилось пятнадцать лет; Колька странно смотрелся на фоне десяти-одиннадцатилетних соучеников.

Единственное, что еще хоть как-то спасало Колькину репутацию, – это участие в нелегальном марксистском кружке. Началась война, а кружок изо всех сил вел пропаганду, согласно которой нужно было перевести войну империалистическую в войну гражданскую, чтобы начать «экспроприировать экспроприаторов». Попросту говоря, предполагалось начать грабить все, что «плохо лежит», а что лежит плохо, определять самим, по ходу дела. Такую пропаганду, разумеется, ни в мирное, ни тем паче в военное время категорически невозможно допустить; ни одно государство никогда ее и не допустит.

Но прогрессивное общество вполне серьезно считало, что государство в Российской империи – устарелое и гадкое, что как раз такая пропаганда и полезна для революционного взрыва и обновления всего общества. Какие бы вредные и опасные идеи ни пропагандировали эсеры, марксисты всех толков, анархисты и прочая нечисть, какие бы бредовые идеи «революционного переустройства общества» они ни толкали, это принималось самым вос-

¹ Я писал все это в 2000 году. Читатель видит, какими темпами идет дебилизация молодежи, и может оценить степень вреда, причиняемого новомодными теориями образования. Не только в России – во всем мире.

торженным образом. Даже когда действия радикалов несли увечья и смерть самим людям из общества, они с упрямством, достойным лучшего применения, гнули ту же безумную линию.

Вот в Севастополе прогремел взрыв: эсеры пытались убрать одного из «царских сатрапов». «Сатрап» – то как раз и не вышел на прогулку в этот вечер, взрыв погубил 12 совершенно не причастных людей, искалечил, ранил и обжег несколько десятков. Невероятно, но факт: адвокаты (!!!) уговаривают пострадавших и их родственников – не подавайте заявлений, не пытайтесь преследовать преступников! Ведь взорвали заряд люди, которые вершат великие дела, собираются переустроить Российскую империю, строить новое, справедливое общество. Как же можно их останавливать?!

И вообще: если вы требуете наказания преступников, вы выступаете вместе с (страшно подумать!) жандармами и царскими сатрапами, поддерживаете правительство душителей народной свободы и насильников над народом, пролетариатом и трудовым людом. В общем, кошмар...

Самое удивительное, что многие забирали уже написанные заявления, а свидетели отказывались давать показания или всячески запутывали следствие: ведь нельзя давать показаний против людей, вершащих столь великие дела в интересах трудового народа.

Так что и в Красноярске все знали, конечно же, кто входит в разбойничье подполье, кто собирается и где, в котором часу, с какой целью. Знала и полиция, естественно, но вот мер никаких не принимала. Фактически кружки действовали легально – всем, и полиции в том числе, или было совершенно наплевать, что дико нарушается закон, или же люди, скажем так, не имели ничего против безумия.

Колька, начиная с зимы 1916 года, все активнее ходил в нелегальный марксистский кружок. Чем хуже шли его дела в училище, чем чаще он стоял в углу, тем активнее Колька занимался политикой. Ах, как ему нравился марксизм! То есть читать Маркса, Энгельса, Каутского и Ленина ему не нравилось... А вот обсуждать сочинения классиков и гениев – это очень даже нравилось! Парадокс в том, что чтение это очень уж напоминало учение в училище, даже в чем-то злополучный немецкий язык. А вот обсуждение уж точно ни к чему не обязывало. Тем более – чем более злобно «обсуждал» произведение Колька, тем получалось лучше и тем серьезнее принимали его взрослые члены кружка. Колька скоро прихорючился – брал книги вроде бы почитать, но читал лишь минимум, чтобы потом лучше обсуждать. Нравился ему и хозяин дома, руководитель кружка Яша Вейнгартен, часовщик и большой теоретик, строитель будущего общества с двумя классами гимназии: сочувствующий человек, понимающий.

– А при социализме... При ем никаких гимназий не будет? Вообще? – спрашивал Колька с замиранием сердца, очень боясь ответа, что при социализме не будет этих гимназий, но будут какие-то другие... Но Яша отвечал все правильно:

– Сколько раз тебе говорить... Учиться – это буржуизм сплошное, не надо это никому на хрен. Гимназия – это погибель пролетариата, сплошное вырождение великих идей и мелкобуржуазное загнивание.

Вейнгартен доходчиво рассказывал, как в Могилевской гимназии его ловили контрреволюционные элементы при попытках экспроприировать часть их денежных средств: ведь эти средства были у них явно избыточными, ненужными, они были похищены у трудового народа если не самими гимназистами, то их папами. А эти дикари, представьте себе, ловили Вейнгартена и били его, несчастного страдальца за интересы борющегося пролетариата!

Трудно сказать, марксизм ли тут подействовал, или эти рассказы Вейнгартена, но только Колька повадился еще и воровать. Папа-Сорокин уже почти простил непутевого сына за то, что он боролся с клерикальным мракобесием и феодальной реакцией, вступил в прогрессивный кружок. Даже двойки по немецкому языку мог папа простить за революцион-

ную идеологию, но уж никак не воровство. Воровства папа стерпеть уже органически был не способен, марксизм там или не марксизм, и опять Колька садился на самый краешек парты.

Какое-то время своей жизни он буквально цепенел, стоило папе посмотреть на него леденящим взглядом василиска и пошевелить нафабранными усами. После того как Колька спер и сожрал три фунта шоколаду у собственной бабушки, папа отделал его так, что Колька даже с перепугу выучил немецкие слова: «дас фенстер», что означает – окно, и «дер тышь», что означает стол. Учитель немецкого языка прослезился от умиления и поставил Кольке долгожданную «тройку», а папа задумчиво произнес «Гм...». В его оловянных, навывате, глазах Колька прочел свой приговор: если уж от одной порки сын начал учиться, так тут перед папой вырисовывалась задача – ни в коем случае не ослаблять усилий...

Но время работало на Кольку, а не на почтенного чиновника, «ученого агронома» Николая Николаевича. В начале 1917 года, когда дело шло явно к революции, ни один самый отпетый сатрап не посмел бы поднять руку на прогрессивного, революционного мальчика. Где-то в феврале 1917 года Колька первый раз полез на трибуну, выступил на митинге... Внизу лепились лица – бородатые лица взрослых казаков, чистые лица девушек, серьезные лица взрослых, солидных людей... Колька знал, что должен сказать что-то важное для всех этих людей... что-то такое, что увлечет, поведет за собой каждого из них. Что говорить?! Идут минуты, летят тучи по небу, ждут запрокинутые лица внизу, под трибуной. И, выбросив правую руку, Колька картинно махнул шапкой над толпой:

– Долой родителей! Довольно они пили нашу кровь!²

Взревела, заорала толпа, вскинула руки в согласии. Действительно, ну сколько они могут пить нашу кровь?! Долой! Долой!

Оглушенный, опьяненный этим ревом, Колька опять выбрасывает вперед руку:

– Долой гимназии! Долой учителей немецкого!

– Ура-ааа! – орали обыватели.

– Долой! – орали гимназистки, растопляя сердце Коли Сорокина.

После такого головокружительного успеха на митинге Колька мог быть совершенно уверен – папа его выдрать не посмеет.

Времена наступали страшненькие, и страшненькие люди собирались в городе, возвращались с каторги и бежали из ссылок. Самый приличный из них был, пожалуй, Адольф Густавович Перенсон – он по крайней мере имел профессию военного врача, а на каторгу попал за участие в кронштадтском восстании 1909 года, потом отбывал ссылку в Енисейской губернии.

Остальные же были людьми двух типов... Одни – вроде Якова Ефимовича Богграда, который со времени обучения в одесской гимназии стал революционером и больше никогда ничем не занимался. Такими же были и Григорий Спиридонович Вейнбаум, ушедший из Петербургского университета, и Яков Федорович Дубровинский, и Ада Павловна Лебедева, и Тихон Павлович Марковский: люди, чем-то неуловимо похожие на самого Кольку Сорокина.

Немного иным был Моисей Соломонович Урицкий; сын богатого сахарозаводчика, он учился на юридическом факультете Киевского университета, откуда и ушел в революцию. У него были не только революционные убеждения, у этого Урицкого! У него были и заслуги... Например, именно Урицкий 27 октября 1905 года спровоцировал драку между «левыми» рабочими и черносотенцами, причем погиб рабочий Журавлев.

² Подлинный случай, даже повторявшийся несколько раз. С лозунгом «Долой родителей! Довольно они пили нашу кровь!» выступал, в частности, Григорий Евсеевич (Аронович) Радомысльский, по матери – Апфельбаум, а по партийной кличке Зиновьев. Этот большой классик и гений марксизма, среди прочего, был одним из самых приближенных к Ленину людей. Избавления от гнета родителей он требовал в гимназиях родного Елизаветграда, с 1924-го по 1934 год носившего имя «Зиновьевск».

Вот это был человек! И все они – вот это были люди! Колька необычайно гордился, что такие люди принимают его в свой круг, общаются с ним, доверительно интересуются его суждениями об обществе будущего, поручают ему всяческие дела – то сбегать за папирусами, то дать характеристику кому-то из контрреволюционеров.

А потом наступило событие, которое все годы существования СССР называли исключительно торжественно: триумфальное шествие советской власти. Расшатанная собственной дуростью и нерешительностью, многолетней агитацией и войной, нормальная власть окончательно развалилась; и кто кинулся ее поднимать? Тот, кто давно и сильнее всего этого хотел, разумеется. Возникло сразу много «правительств», все они одновременно грабили обывателей и враждовали друг с другом, да заодно еще с Временным правительством в Центре, где-то в Петрограде. А вот после «триумфального шествия» только одно правительство царило в оцепенелом от страха городе, творило все что угодно. Да, это было время грабежа совершенно других масштабов! И террора совершенно иных масштабов!

Кольку Сорокина большевики по-прежнему любили: очень уж интересные вещи он рассказывал про то, у кого есть и какие именно золотые и серебряные вещи, и кто какие слова раньше говорил про большевичков. Ада Лебедева очень интересовалась, какими словами определили ее в обывательской болтовне, когда она пьяная валялась по дороге на базар с задранной юбкой. Яшу Богграда крайне беспокоило, кто слышал о его увлечении онанизмом, еще в одесские времена, а Гришу Вейнбаума волновало не меньше, слышал ли кто-нибудь о судьбе студенческой ссудной кассы, загадочно пропавшей одновременно с его уходом в революцию.

В общем, Коля Сорокин оказался в числе весьма немногих красноярцев, которым новая власть доверяла. Обыватель трясся, старался откупиться, сохранив хотя бы жизнь себе и близким... А Колька Сорокин мог ходить по запуганному, обалдевшему городу не только свободно и вольно, но и быть как бы частицей этой власти. Вот тут переменились его с папой роли! Нет, ну как переменились, черт возьми! Колька в его шестнадцать лет небрежно кидал на стол свой паек и тем самым становился кормильцем семьи. Колька спрашивал у матери, когда ей удобнее, чтобы он привез дрова на всю зиму: завтра или послезавтра? Колька просматривал библиотеку, обнаруживал в ней сочинения контрреволюционных писателей и устраивал страшнейший скандал. Колька сталкивался со старым учителем по немецкому языку, учитель пытался было прошмыгнуть мимо, пока Колька его не заметил. Но Колька уже кивал старому знакомому, протягивал руку, и деваться старику делалось некуда.

– А помните, как вы меня на «Камчатку»³ переводили? – громогласно предавался воспоминаниям Колька, удерживая руку бывшего учителя в своей. – А как три «двойки» вкатили подряд? Я сидеть не мог тогда на вашем уроке!

Колька разражался хохотом, от которого подсакивал, колотился об пояс огромный «маузер», скрипела новенькая кожанка. Он откровенно развлекался, сколько хватало желания.

Папе он тоже объяснял, что занимался всю жизнь папа всякой ерундой, вовсе не решающей насущных забот пролетариата и беднейшего крестьянства, а призванной только маскировать классовую сущность столыпинщины. Папа же очень одряхлел, не по годам, осунулся и как-то весь вылинял. Ссутулившись, он слушал сына и не слышал. Колька задавал вопрос, уличал отца в том, что тот не слушал, и опять долго орал на него. Николай Николаевич даже не пытался оправдаться. Может быть, воплей и грубостей сына он тоже не слышал, отключался?

Страх перед Колькой возрастал тем больше, чем больше шло по городу мрачных слухов: что Колька собственноручно расстреливает за городом пойманных в городе офицеров и

³ «Камчаткой» называли самые задние парты, на которые сажали в наказание за незнание и нерадение.

«заговорщиков». Приписывалось ему и участие в расстреле отца Анисима, старого священника, – тот хранил у себя, невзирая на запреты, письма одного из великих князей. Поговаривали о прямом участии Кольки в убийстве Потылицыных – супружеской пары, закопавшей на своем участке винтовку – «на всякий случай».

На самом деле единственной, кого расстрелял Колька, оказалась Зина Потылицына. Ада Лебедева давно благоволила Кольке, все хотела ему специфически «помочь». Она собственноручно раздела Зину до белья, втолкнула ее в комнату, где уже поддал спирту, закурил студнем и закурил папиросу революционер Колька Сорокин. Зина до такой степени одурела от матерщины, окриков, оплеух, угроз, что очень может быть, окажись Колька поопытней, он и смог бы ее взять без особенного труда: очень уж все на свете перемешалось в светловолосой головке этой домашней, тихой девушки, слишком уж сместилось все «можно» и «нельзя».

Но Колька был слишком неопытен; нет бы ему налить Зине спирту, дать закусить и закурить, рассказать что-нибудь героически-революционное, намекнуть на зависимость судьбы родителей от ее поведения...

Колька же действовал прямолинейно; поцелуй, с которого он начал, мало отличался от заушин и окриков, а их в этот день Зина получила очень много. И, конечно же, шарахнулась от насильника. Попытка потянуть за руку, усадить на колени повлекла только судорожное сопротивление; спирт гудел в голове, звенел в ушах, разливался по всему телу мягким облегающим теплом; Колька начал сердиться всерьез, замахал «маузером» перед носом несчастной Зины.

– Ты... Ты контрреволюционный эл-лемент, да? Контрреволюционерка, да?! Враг народа?!

– Отпусти ты меня... Не хочу!

– А за счет труд-дового нар-рода жить (ик!) это ты х-хочешь?! Т-тебя стрелить давно надо з-за твои все д-дела н-нехорошие...

– Ну и стреляй! Стреляй, палач!

Спирт продолжал кружить голову. Перед Колькой стояла почти совсем голая девушка с дрожащими губами, с горящими недобрым огнем глазами, бросавшая ему «стреляй, палач!». Не выстрелить – значило дать слабину, не доказать ей, что готов применять оружие всерьез. Колька навел «маузер» между глаз Зины; у девушки дрожали губы, и все равно она проорала еще что-то про «все равно не отдамся»; Колька потянул за спуск. Оружие отдало сильнее, чем он думал, а лицо девушки исчезло. Какое-то время Колька даже не очень понимал, что произошло, только через полминуты разглядел он неподвижную Зину, опаленное отверстие над ее правым глазом, извилистую струйку крови. И задохнулся, захлебнулся от жалости и отвращения пацан, разглядывая это тоненькое, еще толком не сформировавшееся тело, такое белое в сравнении с кожей его, Кольки, рук, такое отличное от его собственного и такое желанное.

В эту ночь он напился до полного забвения окружающего (что и намеревался сделать) и ужасно чувствовал себя наутро. Товарищи по партии опохмелили Кольку, объяснили ему, что все это полная ерунда и что если психовать из-за каждой неуступчивой девки, то никакого коммунизма не построишь. Колька слушал советы старших товарищей, пил и приходил в себя, но это преступление оставалось единственным, которое он совершил собственноручно. Что интересно – именно этого убийства Кольке вовсе и не приписали в городе, но зато приписали убийство родителей Зины, к которому он не имел ни малейшего отношения.

А дальше запахло все-таки чем-то хорошим... К лету 1918 года наши все-таки подвинулись к городу, большевики кинулись бежать. Бежать, конечно же, не просто так, а прихватывая с собой все, что только удавалось прихватить.

Не так давно в Красноярске вышла книга, в которой некий Бугаев⁴ описывает, как «наши», в смысле – «ихние», конечно же, собираясь драпать после падения советской власти в Красноярске, подчистую грабили город. Среди всего прочего упоминается и момент, когда «ихние» явились в сплавную контору, возглавляемую К. И. Ауэрбахом... Золота они там не нашли – его уже успели спрятать, потому что даже добрый, спокойный К. И. Ауэрбах к тому времени начал понимать, с кем он имеет дело. Взяли «только» то золото, которое принадлежало лично К. И. Ауэрбаху, порядка полутора пудов. К сожалению, мы живем в эпоху, когда признание в соучастии в преступлениях сходят с рук.

Ну вот, награбив золота побольше, коммунисты рванули на север, и, конечно же, с ними и Колька. Это был, наверное, самый юный беглец на пароходе, везущем большевицкое золото на север, к морю – туда, где есть шанс сбежать с награбленным за границу. И тут, на этом пароходе, пришел конец бедному Кольке: парень наклонился, свесился за борт посмотреть, как работает в воде колесо, да и свалился за борт... Все-таки Колька оставался просто самым обыкновенным подростком!

Разумеется, никто и не подумал остановиться, спустить на воду спасательные шлюпки. Ширина Енисея в этом месте никак не меньше двух километров, и до ближайшего берега – порядка метров 800 в очень холодной, очень быстрой воде. Разумеется, Колька не выплыл. Есть и такая версия, что свалился он прямо перед самым колесом, и лопасть колеса – деревянная плаха толщиной сантиметров в восемь – обрушилась на него уже в воде. Во всяком случае, с этого дня, как принято говорить, «Кольку больше никто никогда не видел».

О том, что было дальше, официальная советская книжка повествует следующим образом: «Г. С. Вейнбаум по решению губисполкома вместе с группой членов губисполкома и красногвардейскими частями отступил по Енисею на пароходах в сторону Туруханска. Но колчаковцам и интервентам удалось пароходы настигнуть. Вместе с десятками других революционеров Г. С. Вейнбаум был направлен в красноярскую тюрьму. В ночь с 24-го на 25 октября, в канун первой годовщины Великого Октября, он был расстрелян вместе с соратниками на станции Красноярск, в „эшелоне смерти“ белочешских интервентов»⁵.

Такова участь большевичков, у которых дата смерти помечена 1919 годом. У другой части год смерти 1918-й, и про них, в частности про Аду Лебедеву, рассказано: «...27 июля 1918 года при переводе с пристани в тюрьму была зверски замучена белогвардейцами вместе с Т. П. Марковским и С. Б. Печерским. Пьяные казаки выхватили их из толпы пленных, отвели на берег Качи и там зарубили»⁶.

Все почти так, кроме одной, но весьма характерной детали. Моя первая учительница в той самой начальной школе № 1 Зинаида Ефимовна (фамилию забыл) рассказывала нам, четвероклассникам, в 1965 году, как жители города встречали приведенные обратно в город пароходы. «Белогвардейцы и казаки» прилагали все усилия, чтобы сохранить жизнь арестованным большевичкам – уже хотя бы для показательного процесса; а вот население города очень хотело добраться до своих мучителей как можно скорее. Кого-то войскам удалось утащить с собой, именно эти большевички на этот раз отделались плевками в морды, оплеухами и пинками. Но некоторым повезло меньше – их оттащили от кордона войск и, как выразилась Зинаида Ефимовна, «буквально растянули на части». По словам учительницы, ее мама присутствовала при этой сцене.

Я тогда был слишком мал, чтобы задать вопрос: а что делала там ее мама? Мама Зинаиды Ефимовны? Только смотрела, как жители Красноярска казнили Аду Лебедеву и прочую

⁴ Бугаев Д. А. На службе милицейской. Книга первая. 1917–1925 гг. Часть первая. Красноярск, 1993. С. 165.

⁵ Богданович К. В., Лопатин З. П. Красноярск. Красноярск, 1969. С. 50–51.

⁶ Богданович К. В., Лопатин З. П. Красноярск. Красноярск, 1969. С. 54.

шушеру, или принимала в этом более активное участие? Прошло много лет, прежде чем я стал задавать себе такого рода вопросы.

А двоечник Колька Сорокин... Жаль, если это привидение исчезло навсегда и уже никогда не возникнет в здании бывшей «суриковской гимназии». Привидение это на редкость спокойное, тихое. Оно не мешает совершенно никому и никого не в силах напугать, даже самого впечатлительного человека. А вместе с тем это привидение так полезно для воспитания молодежи, так ценно, чтобы направлять современных двоечников и разгильдяев на путь добродетели, что будет особенно жалко его навсегда потерять.

Глава 3. Купцы и клады

Мертвецов всегда оставляют стеречь клады... А вдруг он как раз сейчас поднимет свой череп и что-нибудь скажет?!

М. Твен

О богатствах очень многих сибирских купцов ходили мрачные легенды – поговаривали, что начало им положено разбоем... Существовала даже своего рода методика, при которой награбленное, заляпанное человеческой кровью сокровище уже могло пойти «впрок».

Сибирские купцы, и вообще русское население Сибири, верили, что клад должен «отлежаться». Тот, кто его положил, пользоваться им не смеет. И дети его тоже не должны, а очень хорошо, чтобы не пользовались и внуки. Если дети награбившего и положившего найдут и выкопают клад, наверняка придется им плохо. От этих денег не будет им большого добра, потому что на кладе – проклятье тех, кого ограбил положивший. Четвертое поколение может пользоваться кладом без проблем. С внуками – положение неопределенное. То ли они могут пользоваться награбленным, то ли еще нет... К тому же ведь не всегда доживает человек до разумного возраста правнуков, а вот со взрослыми внуками, как правило, успевает пообщаться...

Легче всего по этому поводу фыркнуть на «суеверия отсталых людей». Но вот история купеческой семьи Матониных – история совершенно подлинная и хорошо документированная.

Начинается история с того, что в богатом селе Кекур, в 80 километрах к северу от Красноярска, жил такой мужичок – Петр Григорьевич Матонин. Этот смиренный трудолюбивый крестьянин не только пахал землю, но и занимался своеобразным отхожим промыслом: грабил проезжих на Енисейском тракте и на всякий случай убивал – чтобы не оставлять свидетелей этих дел. Сам деньгами не пользовался, детям тоже не дал и закопал клад, чтобы им могли пользоваться потомки. Внуку Козьме рассказал о кладе, как и полагается. Видимо, до правнуков не дожил. Внук Козьма пустил капиталы в ход, стал богатейшим купцом.

Слух о несправедливом богатстве Матониных шел широко... Очень может быть, что именно Матониных и вывел в своей «Угрюм-реке» Вячеслав Шишков. Впрочем, рассказы о разбойничьих кладах, положивших начало состоянию, рассказывали во многих местах, обо многих семьях – вовсе не только про Матониных.

С Матониными связано и еще одна, совершенно классическая история... Рассказывают эту историю в разных вариантах, но меняются, в общем, несущественные детали. Говорят, на пиру, во время свадьбы сына, дарит счастливый купец невестке то ли бриллиантовую брошь, то ли кольцо... Сама драгоценность в народной молве указывается разная, но вот дальнейшее уже везде одинаково: вскакивает некий старый купец с придушенным воплем:

– Это же брошь моей матери! Где взял, убивец?!

В разных вариантах драгоценность может оказаться принадлежащей и бабке, и тетке, и вполне может это быть не брошь, а кольцо, браслет или серьги – вряд ли важно, что именно. Во всех версиях повторяется мотив «узнанного сокровища», когда за одним столом встречаются и чуть ли не собираются женить детей внуки и правнуки убийцы и убитого.

Еще один классический мотив: когда потомок спрашивает у предка, отца или деда, – насколько справедливы слухи о несправедливо нажитом богатстве? Трудно отделаться от мысли, что и этот сюжет «подказала» судьба Матониных.

Потому что у Козьмы Матонина собственный сын и наследник спрашивал: говорят, прадед мой – убивец и разбойник, и капиталы наши – на крови... Как быть? Козьма прямо

ничего не ответил, а посоветовал сыну двусмысленно: ты молись, давай больше на богоугодные дела, делись с людьми... авось и простится! Аверьян Козьмич так и поступал: в родном Кекуре построил гимназию, построил новый придел к церкви; в Минусинске золотил церковные купола, строил школы; в Енисейске дал 100 000 рублей на дела народного образования – деньги по тем временам неслыханные. Помогал и частным лицам, и целым экспедициям.

По всем описаниям, он был очень хороший человек, этот Аверьян Кузьмич – порядочный, честный, добрый, разумный в требованиях. Каждое лето отдыхал он в родном Кекуре – так не было ни одного ребенка, которому что-нибудь не подарит, специально для детей привозил сладости. Его жена, Ольга Диомидовна, сама учила девочек шить, вышивать, привозила нитки, материю. Аверьян Кузьмич на свои средства построил пятиклассное училище в Кекуре, для детей села и прилегающих к нему волостей... Был очень скромный человек, не позволял рисовать с себя портретов, писать про себя в газеты.

Только вот собственных детей у этих Матониных не было... Были только племянники – родные и двоюродные, а своих кровных Господь не давал. После того, как умер их первенец, младенцем, не жили дети у главных, самых богатых Матониных. Ольга Диомидовна сколько молилась, сколько на монастыри и иконы жертвовала – а не жили ее дети, и богатство должно было уйти к родственникам – тоже Матониным, но не прямым потомкам Петра Григорьевича. В 1914 году семья окончательно разорилась – вся! Богатство, извлеченное из чугунного котла, набитого золотом, так и расточилось, исчезло.

Сам Аверьян Козьмич до того не дожил, скончался в 1883 году и похоронен в родном Кекуре. В 1913 году прошел слух, что в гроб к Матонину положен золотой кортик... Благодарные односельчане разорили могилу, выкинули его останки, и кости Матонина таскали по всему Кекуру собаки.

В 1920 году во время уборки в кекурской школе во времянке нашли портреты Аверьяна Козьмича. Так сказать, кровопивца и эксплуататора. «Куда их?» – «А в огонь!» Тогда дети выкололи глаза портрету и долго издевались над ним, перед тем как бросить в огонь.

В 1931 году построили в Кекуре свиноферму; подходящей плиты для варки пойла не нашлось, а рядом валялась надгробная плита с могилы Аверьяна Козьмича. Ее и использовали – положили надписью вниз, к лижущим языкам пламени, варили на плите пойло свиньям.

В наше время известно об этом человеке очень мало, и даже внешность его неизвестна – наверное, эти портреты, сожженные в 1920 году, были единственные. Так, выходит, и сгинул он бесследно, правнук разбойника, сколько ни жертвовал на школы и на церкви. Знающие люди говорят – все это потому, что пользоваться золотом стало третье поколение, а не четвертое. Если бы клад вылежался еще одно поколение – семья Матониных вполне могла бы процветать и до сих пор...

Верить или не верить в проклятие я предоставляю читателю – но вот что рассказанное есть чистая правда, хорошо документированные факты – тут ничего не поделаешь!

Глава 4. Мифы крайкома

– У Чехова сказано: врут, будто без кислорода жить невозможно! На самом деле только без денег жить невозможно! Га-га-га!!!

– И без кислорода жить возможно, и без денег жить вполне возможно. Вот без правильной идеологии жить и в самом деле невозможно.

Из материалов какого-то съезда КПСС

Мохнатый человек

В 1991 году, после крушения советской власти, так называемые крайкомовские дачи перешли к новым хозяевам. Сами эти дачи не представляют собой ничего такого потрясающего: просто уютные домики под соснами, в приятном месте, ничего больше. В домиках есть телефоны, холодильники и телевизоры, а прислуга приносит вполне съедобные обеды и ужины. Всего-навсего! В советское время крайкомовские дачи были эдаким островком высокого уровня жизни в океане просто неприличной нищеты... но это уже второй вопрос.

В это поганенькое место после 1991 года попало много новых людей, в том числе людей довольно случайных, из волны «демократов» разлива конца 1980-х. Большая часть из них в «коридорах власти» продержалась в среднем не более года-полтора, но это уже отдельная история. Главное, что на какой-то короткий момент всегда закрытое пространство стало открытым для неких новых людей. Один из них, клинический демократ из «клуба содействия перестройке», попал в краевую администрацию в команде местного (очень местного) писателя С. и вскоре угодил на «крайкомовские дачи» вместе с женой и трехлетней дочкой.

Зима в 1991 году выдалась очень напряженная, впервые за длительный срок этот человек смог отдохнуть. В том числе подольше поспать по утрам. Дочка вставала, играла какое-то время сама, пока не встанут папа с мамой. Ситуация, думаю, знакомая многим из читателей.

Так продолжалось дня два, вроде бы все были очень счастливы, но только на третий день дочка забастовала:

– Я не хочу тут... Поехали домой!

Как ни старались папа и мама, но уговорить ребенка не получалось. У девочки были какие-то свои причины не хотеть тут оставаться, и все тут... Потребовались долгие расспросы, уговоры, беседы, пока ребенок не сказал наконец:

– Тут мохнатые дяденьки бегают...

– Где?! Ты посмотри, все тут одетые!

– Это они сейчас одетые... Утром вы спите, а черный такой, мохнатый, ходит... Я боюсь!

Ребенок ударился в слезы, с трудом удалось убедить – завтра папа проснется вместе с тобой; не бойся, Ирочка, мы его...

В полвосьмого утра солнце еще не пекло, Женя даже почувствовал некоторое удовольствие от такого раннего вставания. Он даже предложил дочке сбегать на заводь до прихода мохнатых людей, но ребенок был очень напряжен:

– Папа... Вон он!

К собственному изумлению, Женя и впрямь увидел какое-то странное существо, мелькнувшее в сосновом подлеске. Больше всего оно и впрямь походило на человека, покрытого густой черной шерстью, но Женя быстро разглядел торчащие над макушкой острые

уши, гораздо больше медвежьих или волчьих. У человека не могло быть ни таких ушей, ни такой круглой головы, словно шлем, ни такой хищной походки. Первой мыслью Жени было то, что кто-то привез сюда человекообразную обезьяну... Но он тут же отогнал от себя эту мысль как совершенно ни с чем не соотносящуюся.

– Эй, ты! Постой! – закричал Женя, попытался бежать к этому существу. Дочка осталась возле домика, Жене было неприятно думать, что ребенок остался без защиты, один, может испугаться... На полпути он еще подумал, что такое существо может быть здесь не одно, мысль об оставленной дочке сделалась особенно острой.

А существо вдруг легко побежало через сосняк, удалялось в сторону леса, отделенного от дач кирпичной стеной. Женя остановился посмотреть, что делает ребенок. Дочка стояла там же, стиснув ручки на груди, и Женю обожгла мысль, как ей должно быть сейчас страшно. Но никакого другого существа он не увидел, опять повернулся к тому, за которым бежал. Оно стояло за стволом, держась за него обеими руками, и как будто ждало Евгения. Тот еще раз крикнул «Эй!» и шагом направился туда. Существо побежало, потом снова остановилось и так же охватило ствол дерева. Встало и ждет, хотя непонятно, чего. Женя хотел гнаться еще, он только вошел в азарт погони, стал искать на земле палку, кирпич... что-нибудь. Но хватило ума сообразить – он углубляется в лес, перестает видеть ребенка, а дочка скоро не сможет увидеть его. Он еще раз погрозил существу (оно никак не реагировало) и вернулся к дочке. От домика существа не было видно.

– А там был еще один такой дяденька... – сообщила Иринка, как только папа взял ее на руки.

– Где?!

– А он за тобой шел...

Тут только Евгений сообразил, что его, кажется, заманивали. Что, может быть, он только случайно избежал крупной беды. Семья уехала с дач в тот же день, а Евгений начал копать в демонологии – все выяснял: кого же это он с дочкой видел?! Зрелище советского демократа, пытающегося определить разновидность беса, как определяют вид незнакомой птички – по справочнику, радует необычайно!

Если же серьезно, то согласен с главным: именно таких существ древние евреи называли «садаим»; именно их появление на развалинах Вавилона описывал пророк Исайя. Древние эллины называли их «даймонас». Это слово вошло во все европейские языки, а в русском языке приняло форму «демоны». Принадлежность их к силам зла очень трудно отрицать, люди бывалые не советуют с ними общаться. Стоит ли удивляться, что такого рода создания водятся именно в обители крайкома? Так же мало удивляет меня, что коммунисты то ли мирились с присутствием бесов, то ли попросту не замечали их. Может быть, особо клинические экземпляры коммунистов даже не верят в их существование.

Дяденька, подвези...

Люди, склонные к ханжеству, легко осуждают «новых русских» за их склонность ходить в баню с проститутками. Находятся и завистники, которые и осуждают «новых русских» только потому, что не они сами таскают девок в баню... Люди умные и образованные пожимают плечами: а что, баня с девками – это изобретение 1991 года?! Не будем углубляться в Древний Рим, но ведь и в СССР занимались тем же самым. Что меньший контингент был «допущен» до непотребства, так можно еще поспорить, какой вариант «лучше»: большое число желающих и допущенных или малое число допущенных при большом числе осуждающих, глотающих слюни и делающих революции. Тут, право, есть место для полемики.

Но, во всяком случае, и в СССР строились спецбани для спецконтингента. Вот хотя бы сооружение при выезде из Дивногорска в сторону Красноярской ГЭС: здоровенная двухэтажная банька, оборудованная всеми необходимыми кабинетами типа массажного или парикмахерской. Строили это сооружение еще «созидатели величайшей в мире Красноярской ГЭС», на те самые народные денежки – караваны МАЗов, «Ты покоришься, Енисей!», палатки первых строителей... Народ захлебывался в романтических воплях – а люди, знающие цену трудовому энтузиазму – цену в самом прозаическом, самом натуральном смысле, уже строили их руками и на деньги «всесоюзной стройки» спецбаньку для себя и для красноярского начальства. И построили.

В эту спецбаньку возили, естественно, податливый крайкомовский «инвентарь», возили толпами комсомолочек из «местных организаций», но вот где-то в конце семидесятых, похоже, произошел некоторый «затык»... Грубо говоря, сложился некий контингент, который хотел все новых и новых девочек, а запас «новых» девочек иссяк... То есть шлюхи-то были, да что за радость – пускать их по третьему кругу! Но нет безвыходных положений, и не бывает проблем, которых не решили бы большевики.

Тут же, в нескольких кварталах от спецбаньки, высятся шеренги пятиэтажек. Серых, обычных пятиэтажек, жители которых отродясь не видели... ну, скажем – гэдэровских трусов. Или венгерских лифчиков. Или латвийских рыбных консервов. В самом Дивногорске вербовать сложно, мал городок. Зато под боком – огромный, поистине необъятный Красноярск! Те же шеренги пятиэтажек – но с десятками тысяч людей, если брать только ближайшие районы. Между городами – деревни, районы частной застройки – и опять же десятки тысяч нищих забитых людей, тысячи девочек подходящего возраста, тысячи молодых женщин, тоже представляющих интерес. Стоит послать машину, она обязательно придет с уловом! Кто-нибудь «свеженький» да сядет.

В 1985 году ко мне в экспедицию приезжали двое вербовщиков, «подкатывали» к старшеклассницам – Ларисе и Наташе, звали их увлекательно повеселиться в бассейне и в бане. К пышной светловолосой Наташе приставали так активно, что пришлось вмешаться и объяснить мальчикам, что они заехали не туда.

- Да вы знаете, какие люди тут заинтересованы?! – взвыл один, который поглупее.
- И знать не хочу. Девушки никуда не поедут, я им запрещаю.
- Да ничего с ними не будет, начальник! Покупаются, попарятся, и все!
- Вот когда вы будете давать расписки об ответственности за жизнь и здоровье детей, вы и будете их отпускать. А пока начальник в лагере я, и решать, поедут ли они или нет, буду я. До свидания.

Выпроводить мальчиков с глазами встающих покойников оказалось не особенно просто, но спустя минут пятнадцать они все-таки из лагеря «свалили».

Через месяц или два, когда начались занятия в школах, Наташа с Ларисой с выпученными глазами рассказывали, кто из их одноклассниц рискнул поехать «покупаться» и какие последствия все это имело.

Но настоящее продолжение этой истории имело место быть где-то в августе-сентябре следующего года.

Продолжение господина Н.

...На трассе между Дивногорском и Красноярской ГЭС всегда много транспорта – именно тут проходит дорога на юг. Перед самой ГЭС – мост, а после моста дорога мягкими петлями поднимается на перевал. Почти сто километров будет двигаться машина по глухой горной тайге из пихты и кедра; на этой трассе очень много крутых поворотов и неожиданных подъемов. Мало кто отправляется в этот путь к ночи, вечером трасса «в ту сторону» пустеет.

Подъезжает много тех, кто возвращается с юга края; кто прошел горную часть трассы днем, а теперь хочет только дотянуть до дома, по уже знакомым местам.

Господин (или, по тем временам, товарищ?) Н., инженер на одном из крупных предприятий, устал совершенно смертельно, вел машину уже почти что на пределе, когда кто-то кинулся к нему почти что под колеса: девочка лет шестнадцати-семнадцати, с перекошенным простеньким личиком. Девочка шла через оживленную трассу, завернутая в простыню. Шла девочка странно, приволакивая одну ногу и двигалась как бы рывками. Но на трассе она оказалась так неожиданно, что Н. едва успел ударить по тормозам...

Н. давно только искал предлога, чтобы остановиться, и сделал это с огромным удовольствием. С таким, что даже почти не рассердился на глупую девчонку.

– Эй! Ты чего на дорогу полезла?! Сбить же могут!

Девочка повернулась в сторону машины, так же рывками двинулась к открытому окошку.

– Дяденька... Отпусти домой, дяденька...

– Садись, конечно, подвезу. Ты откуда?

– Дяденька, пожалей... Я девочка еще, не трогай, дяденька...

– Тьфу ты! Нужна ты кому-то, сопля! У меня жена есть, взрослая и красивая. Давай садись быстрее, я тебя и так подвезу.

– Дяденька... Отпусти...

Только тут господин Н., необъятного ума человек, начал замечать, что тут что-то не в порядке и что свел его случай вовсе не с обычной живой девочкой. Теперь полудитя стояло метрах в двух от машины, поздний закат неплохо ее освещал. Стали хорошо видно одутловатое, страшно распухшее лицо с каким-то, как выразился Н., «невероятным» выражением, странные пятна на лице, на руке и обнаженном плече – не все скрывала сбившаяся простыня. На очень нехорошие мысли навели эти пятна Н., и он судорожно закрутил ручкой, закрывая окно. Впрочем, он опять прокричал что-то в духе – мол, садись, поехали домой... но уже включил двигатель и держал ногу на педали газа – на всякий случай.

Все такими же нелепыми рывками двигалась девочка к машине, все виднее становилось запрокинутое одутловатое лицо с совершенно заплывшими глазами, страдальчески перекошенным ртом, опухшее до того, что кожа начинает лопаться. Все виднее становились неправильной формы буро-зеленые пятна на лице и простертой руке.

– Дяденька...

На этот раз «дяденька» чересчур ясно увидел, что при звуках голоса остается неподвижным этот судорожно стиснутый, пошедший на бок рот и что опухло не только лицо. То, что он принял за детские перетяжки, оставшиеся у хорошо кормленной девочки, оказалось все той же опухлостью.

«Дяденька» отпустил сцепление и двинул в объезд девочки, повел машину на середину дороги – благо трасса пустая. Но сколько он мог еще видеть, покойница шла за ним и шла по обочине, все теми же рывкообразными, не свойственными живым движениями.

Если верить господину Н., он и тогда, в середине 1980-х, не делал секрета из своего приключения и рассказывал о нем довольно много. Возможно, это и правда, потому что его координаты дал мне человек, слышавший от него эту историю еще в те времена. Но потом у господина Н. появились двое людей «из органов» и очень настойчиво «советовали» ему ни в коем случае не распространяться о явлениях, которых «не бывает» и которые не должны происходить в уважающем себя советском городе. Господин Н. замолчал, но историю эту помнит очень хорошо и воспроизвел все крайне точно; было даже предложение съездить на «то самое место», чтобы показать все в лицах, но я счел это уже излишним.

Продолжение семьи Р.

Эта семья тоже ехала «с моря» – в смысле, с Красноярского водохранилища, которое в лучших традициях соцреализма у нас упорно именуют «морем». Кое-где к «морю» есть удобные подъезды, и там романтические люди ставят палатки, устраивают летний отдых компаниями и семьями.

Примерно на том же месте, где и Н., отец семейства Р. остановил машину – хотел дать детям возможность выйти и пописать. До этого они спускались с гор, дорога вилась серпантином, там было круто и страшно. Потом был мост, пост ГАИ, многолюдство... А до дома еще далеко, детям резонно выйти прогуляться в кусты.

Стоял ранний вечер – с Бирюсы выехали заранее, чтобы не возвращаться по темноте и вовремя уложить детей. Сын (11 лет) пошел писать сам, дочка (7 лет) пошла вместе с мамой, а глава семейства блаженно закурил, не ожидая быстрого возвращения семейства. Но жена с дочкой прибежала почти сразу, а до их появления из-за кустов доносились какие-то вопли. «Что они там, бродячего пса увидели?!» – лениво думал дяденька, совершенно не предполагая, что его семье грозит опасность.

Тем не менее жена возвратилась, что называется, «на рысях», таща за собой ревущую дочку:

– Мы уезжаем отсюда!

И уже ввалившись в машину, втащив в нее дочку, с видом невероятно оскорбленным:

– А где Иван?!

– Вон в кустах торчит, писает... Маша, что с тобой?

– Ты, я думаю, не хуже меня знаешь! Мог бы выбрать место поприличнее!

Вконец обалделый глава семейства уже открыл было рот, как из кустов донеслось:

– Дяденька!

– Кто здесь?

– Дяденька, пожалей!

– Ты еще с ней тут беседовать будешь! Это же труп!

– Да помолчи ты! Кто тут?!

– Ты еще и не знаешь, кто тут?!

– Дяденька! Отпусти меня домой!

– ...Меня с детьми! Разврат! Антисанитарные условия! Моя мама!

– Дяденька...

– Папа, что тут у вас происходит?!

Они выломались из кустов одновременно: с одной стороны – пописавший и обалдевший сын, с другой – наша старая знакомая. Вот только была она уже в более заметной стадии разложения; кожа полопалась, из буро-черных изъязвленных мест текла отвратительная мутная жидкость. Раздутое лицо мало походило на человеческое, а раздутый газами живот вздымал запачканную грязью, заляпанную Бог знает чем простыню, как у беременной.

И это существо еще говорило! Непонятно как, непонятно чем, но оно говорило, расточая мольбы и жалобы, еле-еле передвигая ноги!

Тут никто не стал ждать, пока покойница подойдет вплотную – автомобиль рванул, когда была она метрах еще в четырех или пяти, но и то всех обволокло облако чудовищного сладковатого смрада, проникающего «аж до печенок».

Всю дорогу до дома обсуждалось происшествие, и это обсуждение довело главу семьи до совершеннейшего неистовства: по абсолютно непостижимой причине жена решила, что это он, ее супруг, заманил сюда девушку, изнасиловал и задушил:

– А иначе ну чего она ко мне пристала?! И эти разговоры про «пожалей!». У тебя сердца нет, Геннадий! Такую молоденькую, такую милую! Как права была моя мамочка!

Самое дикое, что женщина вовсе не имела ничего против, чтобы ее муж кого-то душил на пустынном шоссе, и в этом же месте закапывал.

– Ты же хоть смотри, кого душить!!!

Скажем, она ничего не имела против, чтобы муж задушил директора ателье, в котором она трудилась, и большую часть клиентуры. Она категорически возражала, чтобы муж ей изменял с посторонними девочками...

– А со знакомыми можно?

– Как ты смеешь говорить так при детях?!

В общем, она была против общения мужа с «посторонними девочками», и особенно против того, чтобы эти девочки приходили бы к ней, единственной законной владелице супруга. Безобразный скандал почти затмил в сознании супругов само происшествие; никому они о нем особо не звонили. К том же супруга искренне считала своим святым долгом «покрыть» преступление мужа, а сам супруг и от природы не особенно болтлив, и вообще не хотел говорить о делах не особо понятных. Вот только дети-то ведь тоже видели немало. Мальчик, к примеру, рассказал о странном происшествии, а коли слухом свет полнится, было уже нетрудно выйти и на него, и на его сестру (сейчас ей, слава Богу, двадцать один год!)⁷. Уже не очень важно, что говорят или о чем молчат родители.

Продолжение милиционера М.

Милиционер М. в конце сентября вышел на трассу с вполне понятными целями: на крутом повороте он поставил временный знак «не больше сорока километров» и штрафовал всех, кто превышал скорость на этом участке. У милиционера дочка собиралась замуж, нужны были деньги на свадьбу. М. полюбовно договорился с начальством – где ставить знак и сколько дней собирать возле него мзду.

Был он с приятелем, тоже бывшим гаишником, который помогал частью по дружбе, а частью за обещание славной попойки в конце, когда они все деньги уже соберут. Денек стоял ясный, холодный, и такими же «холодными» становились и краски заката. Удивительно, как всегда заметно по цветам заката, холодно ли в природе! Закат был розовый и лимонный, ветер – холодный, и друзьям становилось все очевиднее, – вот один из последних дней «бабьего лета»; наваливается зима, скоро полетят белые мухи.

Как всегда в такой день, становилось им как-то грустно, сладко-печально. Тянуло прийти с холода, с шуршания палого листа куда-нибудь, где горит, стреляет дровами печка, где можно сесть за стол, разлить в кружки вина, посмотреть в окошко на мир, стремительно движущийся к зиме...

Вот тут начался подозрительный шум в уже знакомом нам кустарнике, невнятные стоны и жалобы. И тут же потянуло таким смрадом! Что такое?! Из кустов вываливалось НЕЧТО. Ключья багрово-сизо-черного, еле-еле замотанного в потерявшую всякий вид, почерневшую от грязи простыню, рывками передвигались в сторону милиционеров. Потерявшее всякую форму лицо, на котором еле можно угадать черты, готовое развалиться, с отвратительными красками распада, и с него все еще четко несло это «Дяденька»... Рассказ об этом я слышал через четырнадцать лет после происшествия, и то, упоминая про запах, милиционер изменился в лице, зажал руками конвульсивно сокращавшийся живот.

Бегство началось сразу, мгновенное и отчаянное: может быть, сказалось профессиональное умение быстро оценивать опасности и так же реагировать на них. Отбежав где-то

⁷ Как летит время! «Девочке» уже 36...

на километр, гаишники «тормознули» какого-то проезжавшего и уехали «на нем» до Дивногорска. Только завтра и строго с утра они приехали к тому же месту – забрать столбик со знаком, ограничивающим скорость движения. Схватили его, сунули в казенную машину – и ходу! На этот раз никто не показался из кустов – наверное, было не время.

Милиционерам и в голову не пришло рассказать о покойнице сослуживцам или тем более подать рапорт начальству. В милиции так не полагается. Сказано, что привидений не бывает, – значит, все – не бывает. Рассказываешь о них – все ясно, «крыша едет», и делать тебе в доблестных рядах нечего.

Прошло много лет, эти люди продолжали поддерживать какие-то дружеские отношения... и им попала в руки книга «Сибирская жуть». Найти автора, написавшего больше всего текста в книгу, не составило проблемы для бравых милиционеров, и я услышал эту повесть. Правда, они сразу же, еще по телефону, поставили условие – фамилий их не называть! Что я и делаю.

– Мужики, как думаете, что случилось дальше с трупом?

– Бог весть... До весны, скорее всего, не долежал... то есть тьфу! не доходил, распался.

Не знаю, так это или нет, но что все истории с появлением покойницы ограничены одним летом и осенью – это факт.

Окончание

Еще в том же 1985 году по Красноярску прошел смутный слух – что в спецбаньке утонула девочка. То ли сама утонула, сдуру и спьяну; то ли не поняла, куда и зачем едет, орала, отбивалась, и ее от злости утопили (или хотели попугать и перестарались?). То ли молодежные «игры» нетрезвых ребят в бассейне так вот для нее закончились, без чьего-либо злого умысла – возможен ведь и такой вариант.

Гибель девочки, скорее всего, имела место быть. По крайней мере, уже упоминавшиеся Лариса и Наташа с выпученными глазами рассказывали мне, что это за девочка, откуда взялась, где жила и что именно произошло в баньке и в бассейне. Правда, причины смерти так и остаются не очень ясными, говорят о них много разного, взаимоисключающего. Тогда же говорили и о странном исчезновении трупа. Потому что, когда «золотая молодежь» обнаружила, что девочка мертва, великовозрастные сопляки кинулись срочно звонить папенькам и покровителям: спасите, дяденьки! (Почти как их жертва.) Бегали, звонили, и никто не остался возле бассейна, где лежал завернутый в простыню маленький труп. Вернулись – а трупа-то и нет...

Разумеется, и эту часть истории рассказывали очень по-разному, со множеством самых невероятных подробностей. Многие детали не могу не назвать сразу же высосанными из пальца – хотя бы про огненного дракона, влетевшего в баньку и похитившего то ли труп, то ли еще вполне живую девицу; или про то, что велели милиции привезти труп девицы в крайком... Зачем ее везти в крайком, вы не знаете? Вот и я ума не приложу...

Передавали эту историю со вкусом, в очередях и компаниях, в невероятнейших подробностях и со множеством откровенно вымышленных деталей: по городу валом шел СЛУХ, со всеми вытекающими последствиями...

Так почему же я, так хорошо зная, что есть слух, склонен видеть рациональное зерно в этом слухе про покойницу? А вот почему.

Во-первых, вербовщики юных дев – были, сам видел. Так что произойти нечто подобное – могло.

Во-вторых, знакомый врач рассказал: было «высочайшее» предназначение – труп вывезти себе по-тихому в морг, чтобы снять роговлицу с глаз и прочие полезные органы, которые всегда нужны, а потом расчленив на наглядные пособия для студентов. Труп-то све-

жайший, а отдавать его родственникам – себе дороже. Лучше сделать вид, что нет никакого трупа, увезти в анатомичку медицинского института и тихонько пустить на препараты. Этот врач как раз собирался вступать в КПСС, должен был зарабатывать «политическое доверие». Он и получил от главы парткома приказ быть в числе тех, кто должен труп быстро расчленить, а потом об этом не болтать.

Саша ждал несколько часов, а потом «заслуживающим доверия» сконфуженно объявили, что труп почему-то исчез и что можно его больше не ждать...

Значит, получается, труп был? Был. И бесследно исчез, к огорчению уже организовавших все, что можно, спасителей «золотой молодежи».

А в-третьих, тут не только слух...

Как и всегда при расследовании слуха, мгновенно таяли ряды «надежнейших» свидетелей. Тот, кто «совершенно точно» все знает и «сам все видел», на проверку оказывается попросту элементарным болтуном: «Да вообще-то нет... Не я видел... Мой брат видел, точно вам говорю!». Но стоит взять в оборот брата, и выясняется, что и он толком ничего не видел, а видел вовсе даже его друг... И друг, в свою очередь, ссылается на шурина, тестя или деверя... Такая цепочка может продолжаться до бесконечности, и найти свидетеля оказывается вообще невозможно. Хотя, справедливости ради, в истории со слоном тоже вот были люди, «своими глазами» видевшие, как продавалась мамонятина в Елисеевском, на Невском проспекте.

Но в этой истории с покойницей нашлось несколько людей, которые ни при каких обстоятельствах не «переводили стрелки» на свата, кума, сына, друга, сослуживца. «Я сам видел!» – твердо говорили они.

И в-четвертых, все эти люди показывали на одно и то же место, на одну и ту же извилину дороги от моста через Енисей к Дивногорску.

Поэтому я верю в то, что такая история действительно произошла. А вот комментировать, что за ней стоит, и кто была энергичная покойница на самом деле – не берусь.

Глава 5. Странные существа из новостроек

*Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души,
легавые души, окаянные души... Дырявые души, продажные души,
прожженные души, мертвые души.*

Е. Шварц

Большую часть Красноярска рубежа тысячелетий занимают новостройки: обычные для всех современных городов ряды пяти- и девятиэтажек. Сами по себе эти сооружения и некрасивы, и самое главное – просто удручающе безлики. Если в Москве, в Петербурге, в городах и более цивилизованных, и служивших витринами советского строя, новостройки хотя бы иногда оказывались хоть как-то оригинальны и красивы, то в Красноярске эти сложности считались попросту совершенно не обязательными. Город рос как город Большого Машиностроения, к тому же с большой военной составляющей.

Одна из классических легенд, которые полагалось рассказывать с придыханием восторга, – это история про то, что в 1941-м, 1942 годах с приходящих с запада эшелонов сгружали прямо в снег станки и тут же, прямо в снегу, на этих станках начинали работать... А уже потом над таким импровизированным цехом делали крышу, стены, и только летом следующего года строили полноценный теплый цех.

Людям, конечно, нужно было какое-никакое, но жилье! В 1940-е годы построили множество «домов барачного типа» – то есть длиннющих сооружений, в которых множество комнат открывались в общий коридор, шедший вдоль одной из стен. Это та самая «система коридорная», про которую спел В. Высоцкий:

Здесь жили скромно, вровень так,
Система коридорная.
На тридцать восемь комнаток
Всего одна уборная.

Бараки, где на тридцать, на сорок комнат приходилась одна уборная, я видел своими глазами. Но и в таких бараках уже есть где спрятаться от сибирских морозов, от ледяных ветров, летящих над заснеженной землей по шесть-семь месяцев в году. Это какое-никакое, а жилье!

Строили, впрочем, и восьмиквартирные деревянные домики, на два подъезда, в два этажа. Для многих районов Красноярска еще недавно это был самый характерный тип жилого строения.

Начиная с конца 1950-х стали строить и панельные дома – дешевое модульное жилье. Есть, конечно, и в таком строительстве свои опасные стороны, что тут говорить...

Дело в том, что панельные дома рассчитаны на очень небольшой срок службы. После Второй мировой войны, в 1945–1955 годах, дешевое модульное жилье помогло Франции восстановить разрушенное городское хозяйство. Программу строительства панельных домов очень поддерживал де Голль, из-за чего американцы и называли их «выдумкой разлагающихся европейцев». Но и в США сами стали строить панельные дома – слишком это было выгодно и быстро – заводским способом делать части домов, а потом только собирать их!

Но такие дома из сборных панелей рассчитаны на 40–50 лет жизни, не больше. Потом надо расселять жителей и на месте начавших разрушаться строить новые дома. Можно опять построить панельные, но и у них срок жизни будет небольшим...

Во Франции в начале – середине 1970-х годов большую часть населения переселили из дешевых модульных домов, провели огромную программу жилищного строительства. А несколько панельных домов оставили в виде опыта: что будет с этими домами, когда кончится их срок жизни? Часть домов так и стоит, словно назло всем расчетам. А часть сложилась... Прогнивает металлический сварной шов – единственный, на котором держится здание, и дом заваливается внутрь самого себя, плиты лягут на плиты, с пятого этажа до подвала. Если дом населен, плиты лягут вместе со всем, что окажется между этажами, – книгами, шкафами, тараканами и людьми.

Оценки специалистов расходятся. Одни полагают, что Красноярск живет накануне страшной беды: треть населения Красноярска живет в самых старых сериях панельных домов – пятиэтажных «хрущевках». Они построены в 1960-е, а рассчитаны на сорок лет жизни.

Представьте себе, что посреди зимы начали складываться целые серии домов, и вы поймете масштабы того, что нас, может быть, ожидает.

Девятиэтажки попрочнее – они рассчитаны на 50–55 лет, да и построены попозже. Значит, дома, в которых живет еще треть красноярцев, развалятся чуть позже первых.

Другие специалисты полагают: складываться будут не все дома и уж, конечно, не сразу. Во всяком случае, пока в Красноярске признаков массового распада домов не наблюдается – а пугают им уже лет двадцать.

Но тогда, в 1950–1960-е, надо было видеть, как рвались в эти, тогда еще совсем новые пятиэтажки! Люди покультурнее, побогаче уже тогда прозвали их «хрущобами», старались жить подальше от самых загрязненных мест; а вот «барачники», после одной уборной на тридцать восемь комнаток, так те просто рвались в эти, может быть, и тесноватые, но теплые! Отдельные! Со всеми современными удобствами! В такие желанные для них дома, пусть даже в зоне самых что ни на есть вредных выбросов и выхлопов... Хоть под трубой химического производства! Все было лучше барака...

Хорошо помню, как захватили «барачники» такой вот новый пятиэтажный дом, только что «сданный», но еще не заселенный. Стоял ноябрь 1965 года, мороз под тридцать, и в этом морозном тумане милиция за руки-ноги вытаскивала «захватчиков» из не положенного им жилья. Я не преувеличиваю – гадких «барачников», занявших чужие квартиры, хватали и силой тащили в милицейские машины, чтобы увезти и силой водворить в «свой» барак. Вдвоем-втроем тащили мужчин и цеплявшихся за лестничные перила, отчаянно визжавших женщин, успевших переодеться в халаты; швыряли вещи – какую-то жалкую мебель, посуду, вороха тряпок; перья из распоротых подушек поднимались балдахином, смешиваясь с морозным смогом.

Дети «барачников» бежали рядом, рыдали, что-то кричали про «не трогайте маму!» и насчет «не надо!». Нам, детям более благополучных людей, стоявшим на улице и видевшим все это безобразие, тоже преподносился урок – как надо жить в стране Советов.

В тот раз героической советской милиции удалось вполне доблестно восстановить социалистическую законность, не пустить гадов-захватчиков попользоваться не своим. Но постепенно и этот контингент перемещался в пятиэтажки, вырastaвшие на месте барачников. Вместе с этими людьми в унылые, засыпанные промышленной пылью пятиэтажки приходили их нравы, представления о жизни... и существа, без которых не обходится человеческое жилище.

Здесь я невольно останавливаюсь в недоумении, искренне не зная, кто же должен был здесь обитать?! Какие-то сельские создания, приехавшие с хозяевами в тех же эшелонах, по месяцу тянувшихся из Средней полосы за Урал? Но какие же создания выдержат такой путь, жизнь в бараке – не городскую, не сельскую, а, пожалуй, лагерную.

Или же в пятиэтажках поселились какие-то совсем иные существа, не имеющие никакого отношения ни к какой жизни, кроме жизни в пятиэтажках?

Во всяком случае, мне никогда не рассказывали о симпатичных существах, «хозяевах дома», аналогичных сельским домовому, овиннику или чердачнику. Все создания, о которых шла речь, были мелочными и пакостливыми. Одна дама всерьез уверяла меня, что у нее за зеркалом трюмо живет «черт», и этот «черт» пакостит всякий раз, когда у нее кто-то появляется.

– Представляешь, он или крикнет среди ночи что-нибудь неприличное, или какой-нибудь предмет прямо на человека уронит... А то как-то стала люстра колебаться, кружиться – вот-вот сорвется, да еще хохот демонический... Мы с Толиком ужинаем, а над нами все это и происходит....

– Ну и как Толик? Выдержал испытание?

– Нет, конечно, куда там... Сбежал.

У другой дамы какая-то пакость завелась в ванной, и всякий раз, когда женщина купалась, одна плитка кафеля отваливалась, и в образовавшейся между кафелем и стеной щелке «что-то» начинало явственно клубиться, шевелиться, скрестись... Что именно скребется, не было видно, но происходило это сантиметрах в 60–80 от лица купающегося человека; впечатление было огромным.

У другой дамы в ванной тварь хулиганила не так противно – разве что хихикала, перекалывала детали туалета, или, когда она уже одевалась, поясок халата вдруг слетал вниз и обвязывался вокруг ноги этой дамы. Когда дама привыкла, ее это уже перестало пугать...

Что характерно, не существовало и не существует никаких форм договора между людьми и теми, кто делит с ними хрущобное жилье. Нет тут ни молока, оставляемого для домового, нет заклинаний, оберегающих от водяного, и обетов, которые нужно давать лешему, чтобы пустил к себе в лес. И в селе человек в лучшем случае недолюбливал, побаивался нечисть, но знал, во-первых, – никуда от нее не денешься, надо уметь существовать бок о бок.

Во-вторых, человек умел договариваться с «соседями». Не все было позволено в общении с ними, даже сама нечисть знала границы того, что дозволено ей... по крайней мере, пока человек соблюдает определенные правила.

В пятиэтажках все не так. Человек делает вид, что бок о бок с ним вовсе никто и не живет, он в любой момент готов к репрессиям. Даже не к освящению жилища, не к тому, чтобы отдаться под покровительство высшей и светлой силы. Человек готов в любой момент поймать, побить, изуродовать.

– Поймала бы я эту сволочь!

– Ну и что бы сделала?

– На части порву гадину!

– Так вот он тебе и пакостит...

– А что я должна делать?! Он первый начал, издевается и издевается!

Вот по таким «законам» они и живут – люмпенизированные, одичалые люди и такие же спутники их жизни. Обе стороны стоят друг друга. Хоть убейте, но я не в силах представить себе крестьянскую девицу, которая искренне хотела бы «поймать» и «порвать на части» кикимору или овинника – даже если они и сделали ей какие-либо мелкие пакости. Тут же агрессия просто не имеет предела и наверняка влияет на отношение «той стороны».

В общем, так и живем...

Исключением из этого грустного правила стала для меня история, рассказанная одним моим учеником. Сейчас-то он взрослый дядька и работает на телевидении, а тогда он учился в восьмом классе и только ходил в мой археологический кружок.

Все началось с того, что Сергей К. пришел к своему другу, Диме Ф., – парень учился в параллельном классе. Предполагалось, что Сергей заночует у Димы; родителей дома не было, парни с самого начала, часов с семи вечера и до утра, оказались вдвоем в трехкомнатной квартире. Сначала сидели, разговаривали в комнате у Димы. Тут вдруг явственно хлопнула дверь. Сергей вскинулся было, а Дима и бровью не повел.

– Слушай... У тебя же сейчас дверь хлопнула... Вошел кто-то?

– Скоро узнаешь... Пошли лучше чай пить.

Странные звуки продолжались. Сергей ясно слышал, как кто-то явственно двуногий быстро-быстро протопал по коридору, краем глаза вроде бы заметил НЕЧТО, сидящее на полу при входе в детскую. Стоило Сергею посмотреть в упор на это место, как он уже не смог никого видеть. И он совершенно не понял, что же это за НЕЧТО...

Пошли пили чай, опять кто-то двуногий перебежал к кухне, сидел на ее пороге. Сергей научился уже скашивать глаз так, чтобы можно было разглядеть существо. Еще лучше смог его рассмотреть, когда перешли смотреть телевизор в самую большую комнату – зал. Сергей смог даже увидеть, как передвигается это существо. Создание было ростом с ребенка лет десяти, голое и серое, с блестящими глазами-бусинками. Лицо скорее человеческое, но черты неустойчивые, их трудно разглядеть. Сам Сергей склонен считать, что у существа была очень быстрая, подвижная мимика, в этом все и дело. На мой взгляд, это только одно из возможных объяснений. Другое объяснение может состоять в том, что в полутьме, да еще краем глаза, вообще рассмотреть что-либо очень трудно.

Третье – что Сергей невольно, стараясь вызвать у себя симпатию к существу, видел его более «симпатичным», то есть более человекоподобным, нежели существо было на самом деле. И что он подсознательно «не видел» неприятных для него деталей (например, поблескивающих во рту хищных зубов или вертикального зрачка). А без этих «опущенных» деталей облик получился неясным, размытым.

Самое неприятное (но, на мой взгляд, самое правдоподобное) из объяснений состоит в том, что существо и не имело определенного облика. То, что видели мальчишки, было создано именно для них; этот мираж, фантом, несколько неясный и плывучий, вовсе и не должен был быть определенным и законченным.

Ну вот... Создание, значит, сидело себе на полу и наблюдало за мальчишками. Сергей наблюдал за существом, не очень вникая в перипетии телефильма. А Дима так же внимательно и с не меньшим интересом наблюдал за Сергеем.

– Димка... И чего оно тут сидит, а?! И... что оно такое, а?!

– Да ты не бойся, это «друг». Я его так зову. Он всегда приходит, когда родителей нет. Он безвредный, ничего плохого не делает.

– А если в него кинуть чем-то? – осмелел Сергей.

– Я не пробовал, а тебе не советую... Не позволю тебе такое пробовать. Он же ничего не делает плохого... вообще ничего не делает, сидит просто и смотрит.

«Друг» и правда не делал совершенно ничего – ни дружественного, ни враждебного. Пока мальчишки смотрели телевизор, сидел на входе в зал, почти неподвижно. Мальчишки сходили в уборную, еще раз попили чаю, а «друг» все время перемещался за ними, ни в какой контакт не вступал, и вообще его увидеть можно было только уголком глаза.

Сергей хорошо рассмотрел, что существо и впрямь небольшое, с ребенка, и с очень странными движениями. «Друг» бегал, часто-часто перебирая ножками, сгорбившись, при беге сильно опускал голову; грива серых, как весь он, волос, закрывала голову, волной падая вниз. Кроме того, существо странно выставляло руки, держа согнутые локти высоко над спиной, и быстро-быстро двигало ими при беге, словно помогало само себе. С точки зрения человека, так бежать очень неудобно, и, на мой взгляд, это хорошее подтверждение той мысли, что существо вовсе не так уж человекоподобно, только принимает такую форму, пока

находится среди нас. А само и двигаться по-человечески не в состоянии... К счастью, Сергею и Диме такая мысль тогда и в голову не приходила.

Ребята стали ложиться спать, и «друг» все сидел на пороге спальни, смотрел. Сергею было неприятно тушить свет, и он все приставал к Диме – откуда ты знаешь, что теперь будет?!

– Отцепись, все будет нормально. Я же говорил сто раз, он не опасный...

Потушили свет. Внимательно вслушиваясь в темноту, на всякий случай страхуя живот и горло, Сергей услышал знакомое «топ-топ-топ-топ-топ-топ-топ»... Теперь уже в сторону входной двери. И сильный хлопок – кто-то распахнул и захлопнул дверь, хотя «на самом деле» дверь вовсе не открывалась и не захлопывалась. «Друг» зачем-то имитировал свой выход в открытую дверь... в действительности он покидал квартиру как-то совершенно иначе.

Никакого беспокойства от этого существа не было до самого утра.

Еще несколько раз ночевал Сергей в гостях у Димы; всякий раз, если дома не было родителей, неизменно появлялся «друг». За все три года, пока Сергей с Димой встречались, а «друг» то ли охранял их, то ли стерег, не произошло ничего, что позволило бы понять его миссию. Ничто ни разу не угрожало ребятам, и невозможно убедиться, собирался ли охранять их «друг». Или это из-за него как раз ничего плохого и не случилось? Как знать...

Немаловажно, что сами мальчишки не совершали ничего аморального или опасного. Хорошо зная обоих этих чадушек – очень предприимчивых и невероятно энергичных, вечно полных разного рода планов и идей, готовых бурно развлекаться круглые сутки, я далеко не исключаю – причиной их благонаравия было как раз присутствие «друга». По крайней мере, одной из немаловажных причин.

Потом грянули 1991-й и 1992-й, и семья Димы переехала в поселок Большая Мурта, в ста километрах к северу от Красноярска. Да и вообще ребята выросли, и ни присматривать за ними, ни охранять их не стало особенной нужды. «Друг» исчез из жизни обоих, но дело в том, что о существовании «друга» я слышал от каждого из них по отдельности. Сергей и Дима прекрасно помнят о «друге» и сегодня. Собираясь писать эту книжку, я беседовал с обоими.

Действительно, что делал «друг» в этой квартире? Не говоря уже о том, кто он такой, этот «друг»? Судить об этом крайне трудно – уже потому, что никто никогда не сталкивался ни с чем подобным, невозможно вывести никакой системы. «Друг» так и остался явлением единичным, вполне загадочным. Не берусь делать любые заключения о его природе.

Глава 6. Смех и топот в ночи

Мне казалось, что все силы черной магии сегодня вырвались наружу...

Дж. Хэрриот

Эта история произошла в самом начале 1980-х годов. Тогда в Красноярске было много шуму вокруг Левы Псахиса, который в двадцать с небольшим лет стал гроссмейстером, не достигнув и тридцати – международным гроссмейстером, а в 1987-м – чемпионом СССР по шахматам. Шум был в обществе, где Леву тискали и ласкали просто до неприличия, провозглашая «гением» и «красноярским чудом». Ажиотаж царил в среде красноярских толстопузых из крайкома, где каждый хотел лично познакомиться слевой, получить его автограф, и где довольно быстро раскрутились, дали Леве прекрасную квартиру на проспекте Мира.

Наверное, советское начальство боялось, что Лева уедет из страны, и очень не хотело этого. Правильно боялось! Потому что в 1990 году Лева таки уехал – сначала в Израиль, потом, кажется, в Канаду... Потом вернулся на субтропическую «историческую родину». Правда, в тех краях он себя как-то не очень прославил, так и не поднявшись выше того, чего достиг в 24 года, живя в Красноярске. Прямо по Фонвизину: «Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и далее не пойдет».

Но тогда, двадцать лет назад, Лева обещал необъятно многое... говоря современным языком, парень отчаянно «гнул пальцы». Тем более шла дурная эпоха еврейского национального «ренессанса», и Лева легко стал ее жертвой. Одна община подарила ему серебряное блюдо с надписью на иврите: «Спасибо вам, что вы есть на свете!», еще одна организация подарила «Москвич» и извинялась, что не может сразу «Волгу». Так что ласкали и тетешкали Леву разные люди и с разных сторон; он все больше проникался верой в свою исключительность.

Справедливо говоря, не был он мальчиком злым и жестоким. Если его шутки порой оказывались неприятными, то, скорее всего, по легкомыслию и по какому-то детскому, даже точнее сказать – по совершенно младенческому невежеству. Инфантилен Лева был фантастически, и к тому же зоологически, до полного скотства, эгоистичен. Вот, например, Лева со свитой гуляли по Красноярску и, пристраиваясь сзади какой-то пары, начинали ухать, топтать, сладострастно причмокивать или вслух оценивать достоинства фигурки девушки. Я буду очень удивлен, узнав, что в развлечениях Левы было хоть что-то садистское. Скорее всего, проделывались все эти гадости примерно так же, как ребенок в малышовой группе детского сада надевает горшок на голову соседа или соседки – просто чтобы изучить, что же такое горшок и как он надевается на голову. Лева был психологически настолько малолетним, что просто не способен был ни поставить себя на место других, ни понять, что ко всем людям относятся примерно одинаковые правила общежития.

Справедливости ради – по большей части его забавы оставались несколько примитивными, но все же не такими отвратительными. Лева шлялся по барам и кабакам, окруженный свитой поклонников, которых временами поил и кормил, если у него было хорошее настроение. Быть окруженным свитой, помыкать раболепствующими идиотами доставляло ему не меньшее удовольствие, нежели растрачивать жизнь в кабаках.

Конечно же, огромное место в жизни Левы – мальчика лет восьми с телом взрослого парня – занимали женщины. И здесь он органически не был способен понять, куда могут заводить «игры» по этой части, постоянно создавал трагедии, которых вполне могло бы не быть. И тут не было сознательной жестокости – Лева развлекался совершенно невинно, без

малейших стремлений причинять кому-то страдания. Он просто от души развлекался, не очень понимая, что его «партнерши» – живые, думающие и чувствующие создания.

В свите Левы состоял один человек, особо близкий и доверенный, которого я не буду называть. Не уверен, что это так важно, но на всякий случай уточню – русский. Этот мальчик моложе Псахиса всего года на два, но, судя по всему, даже превосходил его по женской части. С ними двумя и связан этот странный случай, а «спусковым механизмом» сделалась ситуация, созданная этим «свитским мальчиком Псахиса». Назовем его... ну, скажем, Олег.

Этот Олег, хотя и совсем молодой парень, тогда жил одновременно с двумя девицами. С одной стороны – и бес бы с ним, да только вот обе девицы уже были представлены в его семье как потенциальные невестки... Как нетрудно понять, жениться ни на одной из девиц он не собирался.

Разумеется, обман не прожил долго, и вот тут разыгралась трагедия. Одна девушка переживала, шумно возмущалась, да как-то горе у нее постепенно сошло на нет, через два-три месяца у нее был другой парень. Потом ее некоторые называли не очень хорошо и сильно сомневались в ее душевных качествах... что глубоко несправедливо, потому что люди сотворены очень разными. Насколько мне известно, сейчас она замужем вторым браком и верна мужу уже несколько лет.

А вот другая девица повела себя совсем иначе. Может быть, все дело как раз в том, что была она девушкой скромной, разумной, и что Олег был в ее коротенькой девичьей жизни первым мужчиной. Многие предполагали, что ее поступок и вызван нехваткой опыта, практического знания человеческой подлости. Спорить не буду, но другие говорили мне, что эта девушка сильно любила Олега, а объяснять ее поступок ведь можно и таким способом.

Во всяком случае, девушка вышла на Коммунальный мост, несущий свое покрытие в 25 метрах от вод Енисея, и бросилась в реку. Мне приятно думать, что все кончилось для нее уже в момент удара о воду. Но девушка она была спортивная, хорошо развитая физически; она вполне могла сгруппироваться в самый последний момент, чисто инстинктивно, и еще живой уйти глубоко под воды Енисея. Кстати говоря, труп не нашли.

Олега назавтра же пригласили в деканат: выбирай любой город, какой на тебя смотрит, – мы тебя туда переведем, чего бы это ни стоило. Занятно, что парень вовсе не захотел переводиться: зачем?! Ему и в Красноярске вполне хорошо. Вот семья погибшей быстро переехала в другой город – отец ее был крупным чиновником, ему оказалось несложно перебраться в европейскую часть России.

Примерно месяца через два я столкнулся с Псахисом у одного человека, осваивающего ныне земли, отвоеванные Израилем у Египта; это был один из последних моих визитов к Айзенбергу. Лева, как всегда, радостно повизгивал, подпрыгивал, суетился, возбужденно рассказывал, куда он съездил и что оттуда привез. А потом рассказал еще и такую историю. Якобы шел он вчера к своему дому, уже в темноте, и вдруг услышал за собой шаги. Шаги были странноватые, какие-то очень уж частые, словно шли за Левой на ходулях; именно из-за странности шагов Лева и обернулся, но никого не увидел – за ним не было решительно никого. А шаги раздавались.

Может быть, этот идущий движется по другой стороне? Лева остановился, чтобы подождать, когда идущий выйдет под фонарь. Но и шаги остановились. Лева постоял несколько минут; довольно долго он стоял, потому что успел выкурить за это время сигарету. Шагов не было, и Лева двинулся дальше. Тут же затопали, заторопились шаги невидимки.

Справедливости ради, многие наверняка уже кинулись бы, повизгивая, наутек, а вот Лева еще ставил какие-то эксперименты, что-то еще проверял. Скажем, припустил во весь дух к своему подъезду, выбирая самые освещенные места, потом резко остановился, обернулся. Невидимка мчался за ним, с невероятной скоростью переставляя свои ноги-ходули, – будто деревянные палки часто лупили по асфальту, сливаясь в невнятную дробь. А стоило

Лева остановиться – и тут же остановились всякие звуки движения. Невидимка не сделал ни одного движения по инерции, ни единого шага после того, как Лева остановился. И так прошло еще несколько минут.

Подъезд был уже в двух шагах, буквально в нескольких метрах, но вот пройти эти метры оказалось психологически непросто. Напрягая изо всех сил зрение (должен же идущий показаться хоть на мгновение?!), ступая зачем-то на цыпочках, Лева приблизился к подъезду. За входной дверью царила угольная чернота; только на втором этаже еле светилась крохотная, свечей в сорок, лампочка.

Еще раз повторю – Лева был вовсе не трус, да и очень уж был маленьким психологически. Как не верит ребенок в то, что умрет и что с ним такое «может случиться» – так, похоже, и Лева не очень верил собственным органам чувств. То есть вроде бы и происходит что-то... Но ведь с ним же все равно ничего плохого случиться не может! Лева побежал туда, где вроде бы остановились шаги. Невидимка тоже побежал; судя по звукам, как раз так, чтобы держаться от Левы на прежнем, выбранном им расстоянии. Лева припустил сильнее – и шаги стали сильнее. Лева пошел медленнее – и шаги стали не так частить, но расстояние не изменилось. Лева направился обратно – и шаги точно так же зачастили, застучали по асфальту вслед за ним.

Вот и стена дома, свежеокрашенная дверь между черных погашенных окон. Пятясь спиной, проверяя рукой позади, Лева втиснулся в подъезд, стараясь контролировать вход. Шаги приближались; но, хоть убейте, не было совершенно ничего и никого на залитой лунной площадке перед домом. Лева ждал, что хоть следы появятся в пыли – посмотреть бы, какая у него нога, у невидимки? Но и следы не появлялись.

Лева взлетел на второй этаж, упал, зашиб коленку, встал, прижавшись спиной к надежной, такой материальной стене. Шаги стихли, и вдруг раздался взрыв хохота – заливистого, издевательского. Смеющийся прекрасно знал, какое впечатление на Леву он производит, и наслаждался этим впечатлением – не хуже, чем наслаждался Лева с прихлебателями, ухая и топая позади влюбленной пары. Ничего демонического, потустороннего не было в этом смехе. Почему-то Лева был уверен – смеется не человек; но, может быть, это уже у него не в меру разыгралось воображение. Никак не был этот смех чем-то призрачным, слышимым одному только Лева – смех отдавался эхом, гремел в подъезде очень явственно. Потом под ногами невидимки зазвучали ступеньки... И Лева вихрем влетел в квартиру.

На его счастье, никто не последовал за ним через входную дверь квартиры, не проник в дом, где он жил совершенно один. Никто даже не стучал и не звонил, не докучал сопением в дверную щелку, не обнаруживал своего присутствия поблизости. Никто не ждал Леву завтра, когда он вышел из дома. Лева-то уже подгадал свой выход из квартиры, когда соседи сверху спускались и как раз проходили через его этаж. И зря, повторяю, потому что никто его не ждал.

Но с тех пор всякий раз, когда Лева возвращался один домой; вообще всякий раз, когда он оставался один вечером, невидимка топал за ним, так же точно, как и в первый раз. Лева, правда, не часто доставлял ему такое удовольствие, потому что если возвращался поздно – то не один, и оставлял даму ночевать. Но ведь сам прессинг удручал... Кончится ли это безобразие?!

Я не знаю, кончилось ли это «безобразие», и если кончилось, то когда и где, потому что Айзенберги стали мне окончательно неприятны, и я прервал это знакомство. А с самим Левой мы виделись только у них, напрямую практически не были связаны; ну, знал я его телефон, но охоты позвонить как-то не возникало. И стать частью его свиты – тоже не возникало.

Но верю я в эту историю, совершенно верю! Потому что этим же летом я общался с Олегом, и в самой идиллической обстановке: в археологической экспедиции. Отношение

к нему там было не ахти какое хорошее, пожалуй – несколько брезгливое. Только с очень небольшим кругом лиц он мог вести беседы о том, как это здорово – назначить одной женщине свидание на девять часов утра, второй – на час дня, а третьей – на четыре вечера и оттрахать всех троих в одной постели. Олег нервно подпрыгивал, ведя эти беседы, часто облизывал губы, суетился и был, говоря откровенно, не очень привлекателен (поведение выстроившихся шеренгами дам вызывало скорее недоумение). Мне же он был крайне любопытен именно как виновник гибели человека: как у него по части раскаяния, понимания своей вины, желания что-то исправить? Изучал я его, что тут долго говорить.

Но главное – Олег рассказал мне точно такую же историю! В точности такую же, один в один! Жил он далеко от Левы; типичный «жаворонок», домой по темноте приходил крайне редко, но раза два пуганул его невидимка прилично. Чем закончилась эта история с Олегом, я тоже не знаю, потому что отношений мы, вернувшись из экспедиции, не поддерживали. Но в его приключения я тоже верю. Ведь после гибели девушки Олег и Лева совершенно не встречались – осторожен был Лева... да, скорее всего, он и остался осторожен. А раз не встречались – вряд ли договорились об общем розыгрыше.

Мои объяснения? Наверное, поступки человека... некоторые из его поступков отдают человека во власть силам зла. Какие поступки – такого масштаба и существа вертятся вокруг человека. Видимо, образ жизни этих друзей-приятелей, совершенное одним из них убийство позволили какому-то некрупному бесу стать заметным для них, потому что лишили защиты, которую обычно имеют люди от всякой потусторонней дряни. Вот бес и рад стараться, что можно безнаказанно гадить этим двум!

Я охотно выслушаю другое объяснение произошедшего, но сам не в состоянии дать никакого другого.

Глава 7. Вокруг сектантов

*– Зачем лично знакомый мне Иисус Христос ходил по водам?!
Для чего он вычудил это чудо? Да для того, чтобы не погрузиться в
Генисаретское озеро!*

В. Шефнер

Сектантов в современной России не убывает. Были у нас «традиционные» сектанты типа дырников, которые молились в отверстие в крыше. Или вот хлысты, которые устраивали танцы с прыжками до упада, после которых начинался свальный грех; родившихся после этого безобразия именовали «христосиками», и вся секта ждала, вырастет ли из одного из них мессия... Таких сектантов хватало и в старой России, бороться с поветрием оказывалось совсем не так просто.

Скажем, со скопцами – добровольными кастратами – удалось покончить только в 1950-е годы. Скопцы имели свою, достаточно уродливую и страшненькую, но по-своему логичную философию. Они считали, что человек-то по природе своей слаб, до греха ему недолго, и надо его «убелить». Попросту говоря, кастрировать его от греха подальше, и все в порядке! «Убелись» – и всю жизнь ты гарантирован от греха, можешь жить себе вполне спокойно...

Кроме этой философии, скопцы подкупали новичков-юношей двумя способами: во-первых, рассказывая о великих людях, которые якобы были тайными скопцами. Скажем, Суворова и Кутузова скопцы так уверенно называли «своими», что даже вешали их портреты в красном углу, как иконы. На некоторых это действовало, что тут говорить...

Во-вторых, скопцы обещали «убеленному» юноше завещать имущество одного из них. Трудлюбивые, активные скопцы или вели обычное крестьянское хозяйство – но тогда богатое даже по понятиям Сибири, или же они торговали, ремесленничали и становились тоже довольно богатыми мещанами – ведь тратить заработанное им было особенно не на кого...

Жуткую секту преследовали и в царское время, и при советской власти, но додавить никак не удавалось. Одно время даже пытались ее «легализировать» – пусть себе существует секта, поклоняется Кутузову наряду с Христом, лишь бы отказалась от изуверского обычая, не калечила бы новых членов. Но как могла принять эти «правила игры» секта, все мировоззрение которой только и построено на изуверстве?! То есть внешне, получается, смогла, но потом, конечно же, община скопцов начала искать себе преемников. Теперь, обхаживая одного-единственного парня, скопцы могли предложить ему даже больше обычного – имущество уже не одного, а нескольких членов общины.

Но и парень все же сомневался... Ему и хотелось этого имущества, и в то же время очень уж не хотелось расставаться со своими «архитектурными излишествами». Кончилось тем, что парень побежал в КГБ, рассказал о своем соблазне, об одолевающих его сомнениях. Там его, естественно, поблагодарили за доблестный поступок, достойный настоящего строителя коммунизма, и затеяли большую операцию – как бы им взять всю секту, что называется, с поличным?

Надо сказать, что проводился процесс «убеления» очень торжественно. Ночью, ближе к полночи, собираются скопцы в избе одного из них. Читаются молитвы, поются псалмы, а «убеляемого», в такой короткой рубашонке, сажали на табуретку с дыркой в центре. Ровно в полночь перед «апостолами» – руководителями секты – ставили зажженные огарки свечей. У кого из «апостолов» первого гасла свечка, тот и брал огромные, страшного вида ножницы и производил «убеление».

Вот у гэбульников и появился блистательный план – «накрыть» скопцов в момент кастрации новичка, то есть дикого нарушения советских законов и совершения изуверского

обряда, от которого они «отказались». По их планам, парень должен был дожидаться, пока «апостол» не шагнет к нему со своими ножницами, и тут заорать страшным образом. Дом окружают войска КГБ, залягут перед рывком; по условленному знаку, по воплю парня, рванутся доблестные чекисты вперед и всех повяжут.

Идея была, наверное, прекрасная, да вот беда! Скопцы оказались тоже не идиотами и уж, конечно, прекрасно видели – колеблется парень, боится. Они изменили обряд... совсем чуть-чуть, но изменили. Пока «убеляемый» замороженно смотрел, какая свеча первая погаснет, вызывал в себе трепет зрелищем жутких ножниц, к нему осторожно подошли сзади, эдак бесшумно-бесшумно...

Парень дико заорал! КГБ рванулось в бой на ненавистного врага, на «не наших», «несоветских» людей. Слетела с петель дверь, вылетели окна, в них с уханьем сигали героические гэбульники. Позже многие сектанты признавались, что решили: вот он и настал, конец света! Повязали всех участников действия; все это было очень назидательно, и показательный процесс очень удался. Только вот парню-то вся эта советская помпа уже не в силах была помочь... решительно ничем и никак.

А поскольку он выступал еще и свидетелем на суде, нетрудно угадать, много ли своего имущества завещали ему преданные им же скопцы. В общем, назидательная история. И в том смысле, что «стучать нехорошо», и как пример, до чего доводит людей жадность. И в качестве показателя, что делается в сектах, как они пополняются.

По сравнению же с современными сектами и скопцы кажутся чем-то патриархальным, примитивным и наивным... Скопцы, вполне допотопно, обещали завещать юношам имущество, то есть обогащали их. Но что зовет людей в секты, где не дают, а наоборот, где отбирают имущество?! Ведь это же факт, что при вступлении в «белое братство», «общину Виссариона», в «Аум сенрике» или в «Друзья доктора Муна» люди отдают в секту все, чем владеют. На глазах сограждан, особенно в 1990–1994 годах, множество людей «прихватизировали» и продали свои квартиры, золотые вещи, мебель, машины, семейные ценности... одним словом, решительно все, накопленное десятилетиями, и отдали в эти жутчайшие конторы, получившие выразительное название – «тоталитарные секты».

Люди порой прерывали весьма благополучные карьеры, отказывались от прописки в столичных городах, от больших квартир и приличного имущества – от многого, что порой хотели бы иметь и не имели другие.

На первый взгляд, это просто люди с пониженной жизнеспособностью, с дефицитом инстинкта самосохранения. Ну не умеют они держаться за жизнь, добиваться в ней чего-то, удерживать и приумножать... На первый взгляд – потому что стоит присмотреться, и все оказывается явно намного сложнее.

Справедливо говорят о людях, особенно подверженных влиянию идеологии. Ну необходимо этим людям судорожно, до кровавых соплей, «верить» во что-нибудь! Верить, что кто-то обладает истиной в последней инстанции, и подчинять всю свою жизнь без остатка этой истине и ее жрецам... Жизнь этих людей обретает смысл только в таком «служении»; как раз ситуация свободы полностью обесмысливает их жизнь. Они буквально не знают, что делать с самими собой, и единственное, чего хотят, – это найти «того, кто все за нас решит». Того, в чьих руках они будут лишь пассивной глиной или тестом.

Подчиняя некоей идее всю свою жизнь, вручая ответственность за себя руководителям секты, снимая с самих себя ответственность за собственную судьбу, такие люди ведут единственно возможный для них образ жизни.

Но кроме подобных людей есть ведь и еще кое-что, используемое сектантами.

Первое. В каждом обществе человек должен удовлетворять свои фундаментальные, инстинктивные потребности. Пожилой человек просто органически хочет учить, передавать свой опыт, быть полезным для будущих поколений. Мощнейшая инстинктивная программа

действует независимо от любых обстоятельств, независимо даже от того, насколько ценный опыт хочется передавать. Ну очень хочется, и все! Точно так же молодой хочет учиться, познавать, слушать старого и опытного. Если люди могут удовлетворять эти (и множество других) потребностей в обычной жизни, для сектантов тут немного поживы. А если нет? Если пожилой и мудрый не считается носителем ценного опыта, и его никто не хочет слушать? Если молодой не может выбрать себе учителя или учителей, не подвергаясь насмешкам?

В нашем обществе огромное число людей не могут удовлетворить свои самые простые, даже чисто физиологические потребности. Например, те же сексуальные. Нигде нельзя! Секса у нас нет, и ни-ни-ни! Попробуй парень «подкатить» к девушке-сокурснице. Сперва она должна поверить, что он ее любит, что он на ней женится, и вся бодяга будет тянуться неделями, месяцами. А за девочкой стоят еще и ее родители, которые, очень может быть, знакомы с его родителями... Есть еще комсомольская и партийная организации, которые не хуже скопцов бдят за «убеленностью» своих членов.

А в секте вдруг становится «можно»! Даже не просто можно, а в высшей степени желательно! Совокупляясь с любой понравившейся тебе дамой – членом секты, ты открываешь ей и себе чакру кундалини, производишь тантрический обряд, гармонизируешь астрал и приближаешься к нирване!

Или все еще проще.

Девочка красива, пластична и хочет красиво танцевать. В обычной повседневной жизни это все не имеет значения. Имеет значение – английский язык, престижная школа, поступление в «хороший» вуз, новый магнитофон, новая юбка. А танцевать... Ну, сходи, доченька, на танцульки, если тебе очень хочется, только не задерживайся долго. А что такое эти самые танцульки в общезнании? Тоска ведь...

Вот девочка и идет к кришнаитам, чтобы танцевать в красивой многоцветной одежде под замечательный ритуальный барабан: у них это только поощряется.

Во всех таких случаях секта выступает как способ получить то, чего не может получить человек в «обычной» жизни.

Второе. Наше общество прошло длинный путь развития. Современный россиянин – потомок людей, живших в разные эпохи, при разных условиях жизни, исповедовавших разные религии. Мы потомки и язычников, и христиан, и славян, и тюрок, и германцев, и финнов. Для нас «немного побыть» протестантами, а потом так же «немного побыть» язычниками – значит, немного поиграть в самих себя, в разные стороны своей собственной личности. Неслучайно же «русский йог» Порфирий Иванов, стоило ему отказаться от христианства, даже внешне стал до смешного напоминать индуса. Так сказать, одну из предковых форм современного русского – ведь индуизм, похоже, сохранил многие черты, присущие всему арийскому, и русскому в частности, язычеству.

Для кого-то такая игра становится уже и частью реальности, способом существования; тут очень трудно разделить жизненную ситуацию типа «доигрался» и готовность человека всерьез «сменить кожу», объявить себя человеком другой цивилизации.

Внимательный читатель тут «подцепит» меня: постой! Если так рассуждать, то самое предрасположенное к сектантству общество – это современное западное, и особенно американское?! Да, это именно так. Не случайно же именно американцы валом хлынули в нашу бедную Россию проповедовать самые разнообразные (а в чем-то удивительно похожие) квазирелигии. Дело тут, похоже, не только и не столько в богатстве американского общества; в конце концов, и немцы, и французы (последние годы и японцы) лишь ненамного менее богаты. А ведь ни германских, ни японских миссионеров и проповедников мы не видали, да, скорее всего, и не увидим.

Американцы же поразительно агрессивны и просто патологически уверены в своем праве навязывать свои представления всему остальному человечеству. Полезно перечитать в зрелые годы марктовенского «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», внимательно посмотреть мультипликационный сериал про Скруджа Макдака. Поразительно – но ведь ни в книгах, ни в фильмах не содержится ни малейшего сомнения в том, что всякий неамериканец – просто тупой идиот или отсталый придурок, которого необходимо приобщать к цивилизации, поучать, спасать от самого себя. И никакой рефлексии!

Мне же известно по крайней мере два случая, когда темные силы очень ясно проявляли себя именно в компании сектантов.

Хруст в двигателе

На эту авантюру подвигнул меня мой знакомый, пришедший в краевую администрацию на волне «постперестройки». Ныне нет в краевой администрации (называемой теперь пышно: «правительством») этих людей: писателей и журналистов, деятелей из «Клуба содействия перестройке» и борцов за экологию. Большая часть ушла или была вытеснена буквально за год-два, и по причинам никак не политическим: просто люди органически не умели работать. Конкуренция, знаете ли, и конкуренция в данном случае совершенно справедливая.

Последний из этой когорты, поэт и борец за экологию, исчез из «Серого дома» краевой администрации уже после победы Лебеда на выборах. За этим дяденькой тянулся такой хвост разного рода мошенничеств, что спасло его только одно: немедленное заключение самого себя в «психушку». Тем дело и кончилось – пусть себе сидит в качестве сумасшедшего, никому он не нужен. Вот если выйдет – тогда «сядет» уже в совсем другое место.

Но тогда, в 1992 году, эта плеяда «демократических» деятелей еще процветала и все-рез думала, что она села в чиновные кресла навсегда или уж, по крайней мере, очень надолго. Мой знакомый позвал меня в качестве эксперта, имея дело с «Белым братством», – не помогу ли я ему с ними беседовать? Я не рвался, но и отказываться не хотелось; к тому же было еще и интересно посмотреть вблизи на легендарное «Белое братство».

Тогда эти личности в белых тряпках из простынной ткани шатались по всему Красноярску и даже вламывались в церкви с воплями:

– Христос на земле! Что стоите?! Придите и уверуйте! Мэри Дэви Христос!

Психи яростно размахивали самодельными бумажными иконками, изображавшими Маринку Цвигун. Иконка эта почему-то всегда напоминала мне знаменитую песню Высоцкого, вернее, фрагмент из нее:

А на левой груди – профиль Сталина,
А на правой – Маринка анфас.

Эти, «наши» деятели «Белого братства» стояли возле крупного универмага, хватали за рукава входящих и выходящих, порывались что-то проповедовать. Огромного роста упитанная дама под сорок и изможденная девушка лет двадцати пяти – этой, по-моему, нужнее всего было поесть горячего супу и поспать несколько часов. Подошли, представились. Сразу, конечно, атака со стороны большой жирной сектантки: раз вы люди образованные и при власти, значит, должны нам помогать! Товарищ толкает меня под бок: давай ты!

– Позвольте! – спрашиваю, – А почему помогать надо именно вам? Вон в Минусинске так вообще Виссарион Христос объявился, бывший милиционер. Почему ему не помогать?

– Ему не надо помогать! Он не Христос!

– А кто Христос?

– Как?! Вы не знаете?! Наша Мэри Дэви – она Христос!

Тогда страницы биографии Марины Цвигун, комсомольской богиньки и проститутки, известны были очень мало, но Женя снабдил меня служебной информацией; я оказался во всеоружии. Надо было видеть, какие взгляды кидала на меня главная сектантка, которой я выкладывал детали личной и служебной биографии самозванного «Христа» в юбке. Женя наслаждался и ржал. Сектантки негодовали. Разругались мы вдрызг, терять было решительно нечего, и я под конец простыми русскими словами объяснял, что думаю про «Мэри Дэви Христа» и про ее «церковь».

– Не пройдет тебе даром! Попомнишь! – прошипела главная сектантка под конец и погрозила мне пальцем. Женя опять зашелся в приступе прямо истерического хохота. Уехали мы в превосходном настроении; с тех пор Женя обещал вытаскивать меня на все встречи с сектантами.

А назавтра я пошел в гараж – нужно было сделать какую-то мелочь с машиной. Сел я перед капотом, опустил ноги в яму – так удобнее всего было добраться до вентилятора. Вдруг – резкий хруст в коробке скоростей. Что такое?! Я же с самого начала поставил машину «на скорость»! А «луазик» чуть заметно, но все же подался вперед – как раз туда, где я сижу, опустив ноги в яму. Вскрываю, оббегаю машину. Она стоит почему-то на нейтральной скорости, снята с ручного тормоза. Неужели я не досмотрел? Надо же...

Ставлю машину на ручник, ставлю на первую скорость, сажусь откручивать решетку. Опять резкий хруст, и все там же. Напряженно сижу, опираясь руками об пол. Машина двигается вперед, я выдергиваю ноги, вскакиваю. Тишина. Обхожу машину, проверяю. Машина снята с ручника, стоит на нейтральной скорости.

С минуту я просто тупо смотрел на собственную машину, превратившуюся вдруг в затаившегося убийцу. И ловлю краем глаза какое-то движение наверху и сбоку... Это, оказывается, качается, все неустойчивее держится здоровенный тючок стекловаты, припасенной для утепления машины. Едва я успеваю отступить на пару шагов, как этот тючок рушится – как раз туда, где я только что стоял.

Из гаража я вылетел с рекордной, скорее всего, скоростью. Что делать? Знакомый называл мне отца Сергия – очень умен, интеллигентен, а главное – с дурными силами умеет справляться. Пошли к отцу Сергию. Потом, через год или два, этот незаурядный человек вступил в какие-то конфликты с официальным руководством Енисейской епархии и был сослан из Красноярска. Но в те годы он еще жил в городе. Надо было видеть, как от моего рассказа вздернулась к небу рыжая борода священника!

– Что-о?! У меня в епархии?! Под боком?! Какая сволочь... Ты его хоть рассмотрел, какой он?!

Я было шарахнулся, пригнулся чисто инстинктивно – такой страшный рык издавал разъяренный отец Сергий. К концу потока воплей уразумел, что это он орет не на меня, и попытался отвечать:

– Кого разглядел? Свою машину?

– На кой ляд мне машина! Бес какой!

Выяснилось, что с бесом я как-то не пообщался. А отец Сергий стал энергично собираться: доставал какие-то ампулки, венички для разбрызгивания святой воды, ведерки, флакон со святой водой, еще какие-то флакончики. Все это он очень быстро осматривал, протирали и обнюхивали: и свой жидкий припас, и пастырский посох – а говоря попросту, изрядного веса дубину.

Не знаю, как бес, а лично я оробел от всех этих приготовлений.

– Пошли! – Священник жестом древнего полководца указал мне дорогу к собственному гаражу.

– Нет, ты посмотри, какая гадина! – продолжал он бушевать по дороге, ругаясь на русском, церковнославянском и греческом языках. – Всякий Асмодей поганый тут будет мне еще по гаражам лазить, гадина такая, аспидная!

И началось...

Не знаю, вселилась ли какая-то пакость непосредственно в сам «луазик», но скажу коротко: будь я на месте этого «вселившегося», бежал бы в панике и сразу.

– Изыди!! – жутко рычал священник, обрушивая такой удар посоха на машину, что только перезвон стоял, скрипели рессоры, да пыль поднималась столбом.

Не буду врать, что видел какую-то «исходящую» из машины сущность или что почувствовал что-то. Не видел и не чувствовал, но, очень может быть, просто проворонил, увлеченно наблюдая за священником. Как древний богатырь, бился он с какой-то негодной сущностью, забравшейся в гараж, лампочка отбрасывала на потолок и на стены разъяренно мечущуюся, бородатую тень. Что-то древнее, эпическое было в сценах этой битвы, в шорохе рассеяемого дубиной воздуха, – вплоть до времен палеолитических, которые любил описывать Рони-старший.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.